

В. П. Даниленко

ОТ ПРЕДЪЯЗЫКА –
К ЯЗЫКУ

ВВЕДЕНИЕ
В ЭВОЛЮЦИОННУЮ
ЛИНГВИСТИКУ

Валерий Петрович Даниленко
От предъязыка – к языку. Введение
в эволюционную лингвистику

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11873994

От предъязыка – к языку. Введение в эволюционную лингвистику. / Даниленко В. П.: Алтейя;

Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-9905979-6-9

Аннотация

Язык – величайшее достояние человеческой культуры. О его происхождении впервые заговорили еще в античности. Понадобилось несколько столетий, чтобы от гипотез о происхождении языка прийти к эволюционной точке зрения на проблему глоттогенеза. Опираясь на эту точку зрения, автор показывает путь к созданию синтетической теории языковой эволюции.

Предназначена для философов, биологов, психологов, культурологов. Особенно полезной эта книга будет для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей лингвистических специальностей. Написанная в увлекательной и доступной форме, она будет интересна для самого широкого круга других читателей.

Содержание

Введение	4
Авторская модель универсума	5
1. Гипотезы о происхождении языка	14
1.1. Старые	15
1.1.1. Звукосимволическая (Платон)	15
1.1.2. Междоветная (А. А. Потебня)	17
1.1.3. Звукоподражательная (Платон, Г. Лейбниц)	19
1.1.4. Трудовая (Монбоддо, Л. Нуаре, Ф. Энгельс, Б. В. Якушин)	19
1.2. Новые	24
1.2.1. Натавистская гипотеза Н. Хомского	24
1.2.2. Протограмматическая гипотеза Т. Гивона	25
1.2.3. Музыкальная гипотеза Н. Масатаки	26
1.2.4. Паразитная гипотеза Т. Дикона	26
1.2.5. Гипотеза груминга р. данбара	26
2. Философские (универсально-эволюционные) подходы к решению проблемы глоттогенеза	28
2.1. Демокрит унигенез	29
2.2. Тит Лукреций Кар	31
Унигенез	31
Глоттогенез	32
2.3. Жюльен де Ламетри	34
2.4. Иоганн Гердер	37
Религия	42
Наука	44
Искусство	46
Нравственность	48
Политика	48
Язык	50
2.5. Вильгельм фон Гумбольдт	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Валерий Даниленко

От предъязыка – к языку. Введение в эволюционную лингвистику

Языковые черты следуют по пути эволюции от самых первых попыток преобразовать вокализации животных в человеческую речь и до самого сегодняшнего дня.

Бернар Бичакджан – Президент Международного общества происхождения языка

Введение

Принцип эволюции является универсальным. Он применим к космосу как целому, к спиралевидным туманностям, звёздам с их планетами, к земной мантии, растениям, животным и людям, к поведению и высшим способностям животных; он применим также к языку и историческим формам человеческой жизни и деятельности, к обществам и культурам, к системам веры и науки.

Герхард Фоллмер

Авторская модель универсума

Поразительные коммуникативные успехи шимпанзе Уошо, гориллы Коко, орангутана Чантека, бонобо Канзи, собаки Софии, попугая Алекса и других «говорящих» животных произвели сенсацию в современной эволюционной лингвистике. А. Д. Кошелев написал в связи с этим: «По-видимому, не будет преувеличением сказать, что на Земле возникла новая гуманоидная “цивилизация” – *Говорящие обезьяны*» (Зорина З. А, Смирнова А. А. О чём рассказали «говорящие» обезьяны: способны ли высшие животные оперировать символами? М., 2006. С. 28).

Однако теоретическое осмысление сенсации, о которой идёт речь, как и других фактов, проливающих новый свет на проблему глоттогенеза, проводится, как правило, под эгидой эволюционной биологии, ядро которой составляет дарвинизм.

Одним из заслуженных защитников дарвинизма является Бернар Бичакджан.

По мнению Б. Бичакджана, над современной лингвистикой по-прежнему витают «антиэволюционные демоны». Эти демоны смущают души некоторых представителей этой науки до такой степени, что эволюционизм они не просто отвергают, а открыто выступают как его враги. Приведу здесь три высказывания Б. Бичакджана на этот счёт:

1. «Почему язык оказывается родившимся, подобно Афине, в полном вооружении в результате одной генетической мутации? Почему бы им не представить вместо этого язык как инструмент, развивающийся под воздействием эволюционного процесса? Это ключевые вопросы, и ответ на них прост: гуманитарии не любят *эволюции*. Говорить об эволюции в лингвистике неполиткорректно» (Бичакджан Б. Эволюция языка: демоны, опасности и тща-

тельная оценка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М., 2008. С. 60–61).

2. «Есть ли у тех, кто открыто критикует эволюционистские объяснения перехода от эргативного строя к номинативному или от конечного положения вершины к начальному, данные, показывающие, что эти изменения в нормальном случае *не* однонаправлены или что их результат *не* имеет адаптивных преимуществ перед исходным состоянием? Нет, они просто отвергают эволюционистские объяснения, потому что они против эволюции (см., например, [Newmeyer 2000])» (там же. С. 61).

3. «За этими поверхностными суждениями стоит глубинная потребность изгнать эволюционный подход из лингвистики. Добро бы ещё, если бы она бы выражалась в достойных усилиях продемонстрировать большее знание релевантных языковых данных или расширяла возможности анализировать и оценивать эти данные, но этого нет (см., например, [Guy 2001]). Это заключается либо в злонамеренном введении насмешки в серьёзную полемику, либо в ханжеских попытках выступить в роли бесстрашного рыцаря в блистающих доспехах, неустанно сражающегося с мнимым злом социального дарвинизма Герберта Спенсера или, более близкий пример, предложенного Е. О. Уилсоном биологического подхода к социальному поведению» (там же. С. 64).

Написано с болью сердца! Иначе и не могло быть: Бернар Бичакджан (Bernard Bichakjian) – президент Международного общества происхождения языка. Как ему не бичевать антиэволюционистов, если речь идёт об эволюционной лингвистике? Как эволюционной лингвистике обойтись без эволюционизма? Но тут есть одна немаловажная деталь: Б. Бичакджан – не универсальный эволюционист, а лишь биологический. Он автор книги *Language in a Darwinian Perspective* «Язык в дарвиновской перспективе» (Frankfurt: Peter Lang, 2002). Однако более широкий взгляд на задачи эволюционной лингвистики предполагает соединение лингвистики с философией универсальной эволюции.

Происхождение языка и его эволюция – фрагмент эволюции всего универсума. Как же в таком случае эволюционная (филогенетическая) лингвистика, предметом которой является языковая эволюция, может обойтись без того направления в философии, которое получило название универсального эволюционизма или философии универсальной эволюции (*the universal evolution philosophy*)? Иначе говоря, специалист по эволюционной лингвистике должен быть для начала универсальным эволюционистом.

Быть универсальным эволюционистом – значит быть проводником эволюционного мировоззрения. Его носитель видит в мире результат его многомиллионного развития, или эволюции. Слово «эволюция» восходит к латинскому *evolutio*, что значит «развёртываю, развиваю». Его антоним – «инволюция». Он происходит от латинского *involutio* (свёртываю). Развёртывающийся, расцветающий, раскрывающийся цветок – пример эволюции, свёртывающийся, вянувший, закрывающийся цветок – пример инволюции. Другой пример: движение от обезьяны к человеку (гоминизация) – пример эволюции, а обратное движение (анимализация) – пример инволюции.

Весь мир часто называют *универсумом*, а его эволюцию – *унигенезом*. Но у мира есть ещё и метафорическое название – *мироздание*. Следует сразу уточнить: мироздание *четырёхэтажное*.

На первом этаже мироздания расположилась физическая природа (вода, горы, воздух и т. д.). Её можно назвать также физиосферой. Внутри этого, нижнего, этажа происходит её эволюция – физиогенез. У физиосферы нет эволюционного возраста, потому что она вечна. Но эволюционный возраст Земли известен – около 4,54 миллиарда лет. Она возникла из солнечной туманности. Возраст же Солнца – приблизительно 4,57 миллиарда лет. Округлённо говоря, Солнце и Земля возникли приблизительно 4,5 миллиарда лет назад.

На втором этаже мироздания расположилась живая природа (растения, животные, люди). Её можно также назвать биосферой. Внутри этого этажа происходит её эволюция – биогенез. Предполагают, что жизнь возникла на Земле 3,9 миллиарда лет назад. Выходит, что эволюционный возраст биосферы – около 4 миллиардов лет. Выходит также, что Земля была безжизненной более полумиллиарда лет.

На третьем этаже мироздания мы обнаруживаем психику (ощущения, восприятия, представления, понятия и т. д.). Её можно назвать также психосферой. Внутри этого этажа протекает её эволюция – психогенез. Если психическую способность приписывать всем животным, то можно сказать, что эволюционный возраст психосферы совпадает с возрастом животных.

На четвёртом этаже мироздания, наконец, расположилась культура (пища, одежда, жилище, техника, религия, наука, искусство, нравственность и т. д.). Её можно назвать также культуросферой. Внутри этого, верхнего, этажа происходит её эволюция – культурогенез. Эволюционный возраст культуросферы совпадает с эволюционным возрастом человечества, поскольку создателем культуры стал человек. Собственно говоря, наш животный предок потому и стал превращаться в человека, что он стал создавать культуру. Вот почему культурогенез можно назвать также антропогенезом или гоминизацией (очеловечением). Эволюционный возраст человечества определяется в 2,5 млн. лет. Таков и эволюционный возраст культуры.

За сравнительно короткий срок культура превратилась во «вторую природу». «Культура предстаёт как сотворённая человеком “вторая природа”, надстроенная над природой естественной, как мир, созданный человеком, в отличие от девственной природы» (Фролов И. Т. и др. Введение в философию. В 2 ч. Ч. 2. М., 1989. С. 524).

В метафоре *вторая природа* по отношению к культуре заложен глубокий смысл. Она говорит нам, во-первых, о том, что продукты культуры создаются из природных материалов, а во-вторых, о том, что культура колоссальным образом увеличивает наши природные возможности: лопата, ткацкий станок, подъёмный кран и т. п. – возможности наших рук; автомобиль, поезд, самолёт и т. п. – возможности наших ног; телефон, радио, диктофон и т. п. – возможности нашего слуха; микроскоп, бинокль, телескоп и т. п. – возможности нашего зрения, а компьютер – возможности нашей головы. Культура в конечном счёте сделала человека самым могущественным существом на Земле.

Но, увы, у эволюции имеется и её обратная сторона – инволюция (регресс). Вот почему в только что изображённое мироздание мы должны внести существенное дополнение.

Физиогенез, биогенез, психогенез и культурогенез не существуют сами по себе. Они находятся в отношениях коэволюции. Они представляют собою разные формы единого процесса – эволюции. Но существуют и аналогичные формы инволюции. Воспользовавшись латинской приставкой «а-», подобной нашей «не-», мы можем назвать эти формы афизиогенезом, абиогенезом, апсихогенезом и акультурогенезом.

В каждом этаже мироздания мы обнаруживаем единство и борьбу эволюции и инволюции – физиогенеза и афизиогенеза, биогенеза и абиогенеза, психогенеза и апсихогенеза, культурогенеза и акультурогенеза. Всё дело лишь в том, чтобы в борьбе, о которой идёт речь, эволюция одерживала верх над инволюцией. В противном случае в истории человечества произойдёт переворот, о последствиях которого мы можем сейчас лишь догадываться. Он перевернёт этот мир с ног на голову, поскольку он будет состоять в замене эволюции на инволюцию. Это означает, что силы последней начнут одерживать верх над силами первой. Эволюционное, прогрессивное движение станет уступать место инволюционному, регрессивному. Эволюция в этом случае придёт к своему исходному пункту. Для людей это не что иное, как человекообразное обезьянье стадо.

Что мы имеем уже сейчас? О замене эволюционной доминанты в мире на инволюционную уже и сейчас свидетельствуют очень многие факты. Возьмём для начала соотношение между физиогенезом и афизиогенезом. Теория большого взрыва предсказывает, что в далёком будущем расширение Вселенной сменится её сужением. Это, очевидно, означает, что эволюция в физиосфере (физиогенез) уступит место инволюции (афизиогенезу), поскольку конечным пунктом её сужения станет сверхплотное вещество, подобное тому, из которого произошла современная Вселенная.

До господства афизиогенеза над физиогенезом, к счастью, ещё очень далеко, но теоретически это господство по существу означает уничтожение всех этажей мироздания, возвышающихся над его первым этажом.

А как обстоит дело со вторым этажом мироздания, пока его не тронул далёкий афизиогенез? Происходит ли эволюция живой природы в наше время?

В начале 30-х годов XX века южноафриканский биолог Р. Броом пытался остановить эволюцию живой природы. Он заявил о её конце. Более того, он утверждал, что птицы и млекопитающие перестали эволюционировать 40 миллионов лет назад. Британский палеоантрополог А. Кейтс отреагировал на заявление Р. Броома о конце эволюции таким образом: «Не существует фактов, которые заставили бы нас уверовать в то, что природа сегодня менее плодovита, чем раньше» (*Галл Я. М. Джулиан Сорелл Хаксли. М., 2004. С. 188*). Точку зрения Р. Броома, как ни странно, поддержал знаменитый английский биолог Дж. Хаксли. Но мы должны присоединиться к А. Кейтсу.

Мы пока ещё живём в мире, где эволюция – в том числе и в живой природе – господствует над инволюцией. Но из этого оптимистического заявления вовсе не следует вывод о том, что в современной биосфере, как и физиосфере, всё благополучно. Экологи кричат об обратном.

Афизиогенез и абиогенез в современном мире навязаны природе ненасытными человеческими потребностями. По поводу насильственной инволюции в живой природе можно прочесть, например, такую информацию: «Учёные из Стэнфордского университета опубликовали неутешительный отчёт, который подтверждает факт начала шестого в истории Земли великого вымирания животного мира. Эти выводы основаны на изучении процесса и скорости исчезновения животных на Земле с использованием новейших методов. Согласно полученным данным, сегодня на грани полного исчезновения находится около 16–33 % мировой фауны» (<http://novostinauki.ru/news/96626/>).

О ситуации с соотношением эволюции и инволюции в культуре я написал целую книгу: «Инволюция в духовной культуре: ящик Пандоры». В последние десятилетия Пандора явно облюбовала Россию. Как из ящика Пандоры, сыплются из телевизора на наши головы новости о нескончаемых катастрофах. Каждый день нам сообщают о массовых человеческих жертвах – то от урагана, то от наводнения, то от пожара, то от затопления, то от завала, то от крушения, то от взрыва, то от отравления, то от террориста, то от заказного убийцы, то от сексуального маньяка... Плачь, Русская земля!

Инволюционные процессы охватили сейчас всю культуру, но в особенности, духовную культуру в России. Мы видим в ней сейчас настоящий инволюционный шабаш: лженаука подпирает науку, лжеискусство – искусство, лженравственность – нравственность, лжеполитика – политику и т. д.

В ходу у нас теперь не только «лже», но и «де»: дефляция, деиндустриализация, деколлективизация, дегуманизация, деинтеллектуализация, дебилизация, десоветизация, дестабилизация и прочие «де», а в итоге – деградация и депопуляция всей страны. В результате мы вырвались на первое место в мире по количеству самоубийств, числу разводов, абортov, убыли населения, потреблению спирта, табака, смертности, продаже поддельных лекарств, потреблению героина, количеству авиакатастроф...

В аннотации к своей книге «Закат человечества» (М., 2010) С. В. Вальцев написал: «2-е издание... посвящено исследованию проблемы духовного вырождения человечества, охватывающего все новые народы и государства, в том числе и нашу страну. Этот глобальный, смертоносный и апокалипсический процесс грозит существованию человека как вида. Рассмотрены причины и перспективы деградации, охватывающей все новые народы и страны, в том числе и Россию. Разбираются механизм и причины установления диктатуры денег, роста отчужденности и эгоизма, нравственной и интеллектуальной примитивизации. Показывается, что в настоящее время человечество переживает ценностный и антропологический переворот небывалого масштаба, сравнимый лишь с переходом от обезьяны к человеку, только сегодня с горечью приходится признать, что эволюция человека повернулась вспять, и этот процесс можно назвать антропологической контрреволюцией». Я называю этот процесс *культурной инволюцией* или *акультурогенезом*.

Как видим, каждый этаж мироздания, а стало быть, и мироздание в целом, вмещает в себя не только эволюцию, но и инволюцию. Как та, так и другая должны исследоваться наукой. Каким образом мы можем представить себе классификацию базовых наук?

Каждый этаж мироздания изучается особой наукой. Его первый этаж изучается физикой, его второй этаж – биологией, его третий этаж – психологией и его четвёртый этаж – культурологией. Каждая из этих четырёх наук называется *частной*, поскольку она изучает лишь соответствующую *часть* мира. Но есть ещё и *общая* наука, возвышающаяся над всеми частными науками, *обобщающая* достижения всех частных наук. Эта наука называется философией.

Классификацию базовых наук, таким образом, можно изобразить такой таблицей:

ФИЛОСОФИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
БИОЛОГИЯ
ФИЗИКА

Все пять наук называются базовыми потому, что они составляют основу (базу) для других наук – входящих в эти пять базовых наук. Так, в физику входят такие науки, как астрономия, геология, гидрология и т. п., в биологию – ботаника, зоология, генетика и т. п., в психологию – зоопсихология и психология человека, а в культурологию – науки о материальной культуре и духовной культуре. В последние следует включить религиоведение, науковедение, искусствоведение, этику, политологию и лингвистику. Предметами их изучения являются шесть компонентов духовной культуры – религия, наука, искусство, нравственность, политика и язык.

Древние греки, как известно, под *философией* имели в виду любовь к мудрости. В неё попадали по существу все науки. Между тем процесс отделения частных наук от «философии» наметился уже в античности.

Аристотель сузил значение слова *σοφία* (*мудрость*). Он стал понимать под ним «первую философию» (т. е. философию как таковую), которую он стал отличать, в частности, от учения о природе. Он писал: «Если нет какой-либо другой сущности, кроме созданных природой, то первым учением было бы учение о природе. Но если есть некоторая неподвижная сущность, то она первей и учение о ней составляет первую философию, притом оно общее знание в том смысле, что оно первое. Именно первой философии надлежит исследовать сущее как сущее – что оно такое и каково всё присущее ему как сущему» (*Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Т. 1. М., 1976. С. 182*).

В другом месте Аристотель так писал о «первой философии»: «Есть некоторая наука, исследующая сущее как таковое, а также то, что ему присуще само по себе. Эта наука не тождественна ни одной из так называемых частных наук, ибо ни одна из других наук не исследует общую природу сущего как такового, а все они, отделяя себе какую-то часть его, исследуют то, что присуще этой части, как, например, науки математические» (там же. С. 119).

Аристотель, как видим, определял философию как науку «о сущем как сущем» или «о сущем как таковом», т. е. как науку о любом сущем, о сущем вообще. Сущее – это всё существующее, весь мир, но взятый со стороны всеобщего. Философия при таком понимании её назначения становится тем, чем она и должна быть, – *наукой наук*, поскольку сущее вообще имеется в любом конкретном сущем, изучаемом в частных науках, – в частности, в естествознании, поскольку сущее как сущее в его предмете входит в тот или иной продукт природы.

Андроник Родосский – руководитель первого критического издания трудов Аристотеля в середине I в. до н. э. – поместил «первую философию» после работ по физике. В результате философия приобрела синоним – *метафизика* (букв. «то, что после книг по физике»)¹. «Первая философия» в результате оказалась не на первом месте, а на втором.

Издательская перестановка, о которой идёт речь, в какой-то мере принизила роль философии. Между тем сам Аристотель так писал о «первой философии»: «Это безраздельно господствующая и руководящая наука, наука, которой все другие, как рабыни, не вправе сказывать и слова против» (*Аристотель. Метафизика. М.-Л., 1934. С. 45*).

Понимание философии как общей, синтетической науки, как науки наук идёт от Аристотеля, однако в более ясной форме это понимание было выражено Иоганном Гердером в XVIII в. и Гербертом Спенсером в XIX.

Процесс отпочкования частных наук от «философии», которая во многом продолжала сохранять широкое, доаристотелевское понимание её назначения, в западной Европе начался в XVII в. Но этот процесс до сих пор не завершён.

К началу XX в. из-под крыла «философии» с трудом вырвались физика, биология и психология. Со временем их перестали воспринимать как философские дисциплины, однако их «философский» протекторат продолжал напоминать о себе ещё очень долго: книга И. Ньютона по механике названа «Математические начала натуральной философии» (1687), книга К. Линнея по ботанике – «Философия ботаники» (1751), книга Ж.-Б. Ламарка по зоологии – «Философия зоологии» (1809) и т. д.

Во второй половине XX в. от «философии» стала отделяться культурология, но и до сих пор некоторые её дисциплины продолжают находиться по преимуществу в ведении философии. Это касается главным образом религиоведения, науковедения и этики.

Назначение подлинной философии – построение *синтетической* обобщённой картины мира на основе всех частных наук – физики, биологии, психологии и культурологии.

Синтетическое понимание роли философии по отношению к частным наукам идёт от Иоганна Гердера и Герберта Спенсера. Оба они в своих великих трудах ясно показали, в чём состоит назначение философии, – в том, чтобы синтезировать и обобщать достижения частных наук. Вот почему она – *наука наук*, т. е. общая наука, возвышающаяся над частными науками.

Если философская наука во всей глубине не усвоит своей *синтетической* роли по отношению к частным наукам, она окажется в положении шекспировского короля Лира. На эту опасность указывал ещё В. Виндельбанд. Он писал: «Философия подобна королю Лиру, который роздал своим детям всё своё имущество и которого вслед за тем, как нищего, выбросили на улицу» (*Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904. С. 16*).

¹ Г. Гегель придал термину *метафизика* второе значение. Под метафизикой он имел в виду антидиалектику.

Е. С. Кузьмин писал: «Философия как *наука* начала формироваться в глубокой древности. Однако и поныне философия, “которая есть”, всё ещё не та, “которая быть должна”. Философия всё ещё вынуждена доказывать своё право называться наукой. До сих пор идут нескончаемые споры о предмете и задачах философии, о её месте и роли в системе наук, в общественном сознании и общественной жизни людей – в отношениях человека к действительности. Философия, по определению Н. З. Чавчавадзе, должна выполнять организующую роль – давать направление жизни индивидуальной и целой культуры. Выполняя такую роль, философия обязана быть основой человеческой деятельности, руководящей силой в жизни личной и общественной» (Кузьмин Е. С. Система «Человек и мир». Иркутск, 2010. С. 37).

А на следующей странице автор этих слов уточняет своё понимание назначения философии. Оно, с его точки зрения, состоит в «выработке научной картины мира – цельной и стройной системы воззрений на мир и место в нём человека, системы, адекватно отвечающей логике вещей» (там же. С. 38).

Направлять философию на выработку научной картины мира – значит исходить из синтетического понимания её назначения. Оно позволяет ей сохранить свою дисциплинарную специфику и не оказаться за бортом науки, из которой её сейчас особенно охотно выпихивают.

П. В. Копнин писал: «Философия сохранила свой предмет и метод, своё особое отношение к миру и постигающему его знанию. Философия не просто суммирует его результаты, являясь всеобъемлющей *наукой наук*, а вырабатывает всеобщий метод движения знания к объективной истине» (Копнин П. В. Диалектика, логика, наука. М., 1973. С. 80).

Движение знания к объективной истине в первую очередь зависит от наличия в сознании его носителей единственно верного мировоззрения – эволюционизма. Именно эволюционизм позволит человечеству выжить. Дело стало за малым – ему надо учиться, учиться и учиться. Начинать нужно с основных понятий универсального эволюционизма, которые можно представить в виде следующей таблицы:

УНИВЕРСУМ	
ЭВОЛЮЦИЯ	ИНВОЛЮЦИЯ
Гармонизация: <i>хаос → гармония</i>	Хаотизация: <i>хаос ← гармония</i>
<i>Физиогенез → биогенез → психогенез → культурогенез</i>	<i>Афизиогенез ↔ абиогенез ↔ апсихогенез ↔ акультурогенез</i>
КУЛЬТУРА	
Гоминизация: <i>животное → человек</i>	Анимализация: <i>животное ← человек</i>
РЕЛИГИЯ	
Атеизация: <i>вера → безверие</i>	Теизация: <i>дьявол → Бог</i>
НАУКА	
Сциентизация: <i>ложь → истина</i>	Антисциентизация: <i>ложь ← истина</i>
ИСКУССТВО	
Эстетизация: <i>безобразное → прекрасное</i>	Антиэстетизация: <i>безобразное ← прекрасное</i>
НРАВСТВЕННОСТЬ	
Морализация: <i>зло → добро</i>	Аморализация: <i>зло ← добро</i>
ПОЛИТИКА	
Политизация: <i>несправедливость → справедливость</i>	Аполитизация: <i>несправедливость ← справедливость</i>
ЯЗЫК	
Лингвизация: <i>разобщение → единение</i>	Алингвизация: <i>разобщение ← единение</i>

Эволюционный смысл универсума (а человек – его частица) – слева, инволюционная атака на этот смысл – справа.

Только шесть комментариев к приведённой схеме универсума.

1. Эволюция религиозного сознания осуществляется в направлении от дьявола к Богу. Это направление можно назвать теизацией. Она сыграла положительную роль в гоминизации. Но уже Средние века показали, что вред наносимый культуре со стороны религии, преобладает над пользой. Вот почему мудрые головы видят в религии фактор, тормозящий культурную эволюцию. На его место они ставят атеизацию – движение от веры в Бога к безверию.

2. Эволюция в науке состоит в движении от лжи к истине. Это движение можно назвать сциентизацией. Без сциентизации человеческого сознания никакой прогресс в культуре невозможен. Более того, сциентизация – главный фактор очеловечения.

3. Эволюция в искусстве состоит в движении от безобразного к прекрасному. Это движение можно назвать эстетизацией. Без эстетизации человеческого сознания процесс очеловечения невыносим. Эстетически неразвитый человек есть человек неполноценный.

4. Эволюция в нравственности состоит в движении от зла к добру. Это движение называется морализацией. Без морализации человеческого сознания общественный прогресс невозможен. Человек безнравственный есть зверь.

5. Эволюция в политике состоит в движении от несправедливости к справедливости. Это движение – политизация. Без массовой политизации движение к справедливому политическому строю не представляется возможным. Человек аполитичный есть раб несправедливого социального режима.

6. Эволюция в языке состоит в движении от разобщения к единению. Это движение – лингвизация. Без лингвизации об очеловечении говорить не приходится. Недаром грузины говорят: сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек. Своим существованием культурная эволюция обязана человеку говорящему. Человеческий род без языка – нонсенс. Лингвизация – путь к социальности, тогда как алингвизация – путь к асоциальности.

Атеизация, сциентизация, эстетизация, морализация, политизация и лингвизация – вот шестеричный путь, ведущий нас к идеалам. Только на этом пути мы обретаем свою сущность – человечность.

Эта книга посвящена главным образом лингвизации (оязычению). В ней пять глав. В *первой* из них рассматриваются старые и новые гипотезы о происхождении языка. Во *второй главе* исследуются взгляды универсалистов эволюционистов на вопросы, связанные с происхождением языка. В *третьей главе* анализируются частнонаучные подходы к решению проблемы плоттогенеза – биологические, психологические и культурологические. Представители первых из них видят в языке в первую очередь продолжение биогенеза, представители вторых – продолжение психогенеза и представители третьих – продолжение культурогенеза. В *четвёртой и пятой главах* представлены взгляды автора на решение проблем, связанных, с одной стороны, с происхождением и эволюцией предъязыка, а с другой, – с происхождением и эволюцией языка.

1. Гипотезы о происхождении языка

В религиозном сознании происхождение языка выглядит как часть божественного творения мира. Так, библейский бог Яхве вдохнул дар слова в первого созданного им человека – Адама – в шестой день миротворения. В результате появился первый язык – язык Адама, который позднее получил латинское название *lingva adamica*.

В XVI–XVII веках миф о божественном происхождении языка проник в науку. Более того, в научной среде появились люди, которые составляли длинные списки слов, из которых, по их предположению, состоял язык Адама.

Lingva adamica – древнееврейский язык. Его основным творцом был Адам, однако первые слова, входящие в него, были созданы самим Яхве. Каким образом он это делал?

По «Библии», «в начале было слово» – слово Творца, за которым следовала реалья, которую оно обозначает. За словами, обозначающими на иврите «свет», «небо», «море», «суша» и др., которые Яхве произносил в течение шести дней своего творения мира, появились свет, небо (твердь), море, суша и т. д.

О том, что слово в библейском унигенезе предшествует реалии, свидетельствуют не только известные слова, с которых начинается «Евангелие» от Иоанна («В начале было слово...»), но и «Шестоднев». Вот как это в нём, в частности, выглядит: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды. И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так.» (Библия. М., 1976. С. 5). Божье слово здесь переходит в дело чудесным образом. Но полной ясности здесь нет.

С одной стороны, как мы только лишь видели, за словами здесь появляются реалии, которые их обозначают, а с другой стороны, мы видим и противоположную последовательность: реалья – слово. Вот как это выглядит, например, со словами, обозначающими землю и море: «И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так... И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями...» (там же). Сначала – *создал*, а потом – *назвал*. Да и начинается «Библия» со слов, которые свидетельствует о том, что небо и землю библейский Бог создавал молча: «В начале сотворил Бог небо и землю» (там же).

В «Библии» имеется объяснение и языкового полигенеза – в мифе о Вавилонском столпотворении. В 11 главе «Бытия» читаем: «На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжём огнём. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде, нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошёл Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Бог: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, сойдём же и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город и башню. Посему дано ему имя: Вавилон» (там же. С. 13).

Научное начало в мифе о Вавилонском столпотворении можно, пожалуй, усмотреть лишь в осознании его автором прагматической функции языка: никакое коллективное созидание у людей невозможно без единого языка.

Миф о божественном творении языка был чрезвычайно распространён в христианском мире, но претендовать на научность он не может. На научность могут претендовать только такие гипотезы о происхождении языка, которые опираются не на веру в чудеса, а на реальные факты. Таких гипотез в науке накопилось так много, что в пору воскликнуть: не объять необъятное! Однако наибольшую ценность из них имеют лишь некоторые.

1.1. Старые

1. 1. 1. Звукосимволическая (Платон)

Звукосимволическая гипотеза о происхождении языка сформировалась в споре, который возник в Греции в V в. до н. э. между «натуралистами» и «конвенционалистами». Учителем первых был Гераклит, а учителем других – Демокрит. Натуралисты считали, что слова создавались в соответствии с природой (натурой) обозначаемых ими вещей, а конвенционалисты настаивали на том, что слова – результат соглашения (конвенции) между их творцами – первыми людьми. Звукосимволическая гипотеза о происхождении языка зародилась в недрах учения натуралистов.

Спор между натуралистами и конвенционалистами выведен в диалоге Платона (427–347 до н. э.) «Кратил». От имени самого Платона в его диалогах выступает Сократ. Он обычно играет роль диалектика – человека, который обладает умением разрешать споры. В данном диалоге ведут спор Кратил и Гермоген. Первый – сторонник натуралистов, а другой – сторонник конвенционалистов. «У всякого сущего есть правильное имя, – утверждает Кратил, – врождённое от природы, и не то есть имя, чем некоторые люди, условившись так называть, называют, произнося при этом частицу своей речи, но некое правильное имя врождено и эллинам, и варварам, одно и то же у всех» (*Фрейденоберг О. М. Античные теории языка и стиля. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 36*).

Гермоген не соглашается: «Не могу поверить, что правильность имени состоит в чем-либо ином, чем в договоре и соглашении. Ведь мне кажется, какое имя кто чему установит, таково и будет правильное имя... Ведь никакое имя ничему не врождено от природы, но принадлежит вещи на основании закона и обычая тех, кто этот обычай установил и так называет» (там же. С. 37). Какую позицию в этом споре занял Платон?

Устами Сократа Платон сначала говорит, что прав и Кратил, и Гермоген, однако затем он уличает их в односторонности и в конечном счёте примыкает к натуралистам. Да, считал Платон, в языке имеются как имена, созданные по природе, так и имена, созданные по соглашению. Следовательно, есть основания для утверждений Кратила и Гермогена. Но всё дело в том, как создавать новые слова.

Новые слова следует создавать, по мнению Платона, в соответствии с природой (сущностью) обозначаемых вещей. Как же это делать? Это зависит от того, какое имя мы собираемся создавать – первичное (т. е. производное в современной терминологии) или вторичное (т. е. производное). В первом случае задача автора нового слова состоит в том, чтобы отражать сущность обозначаемой вещи с помощью звуков, а во втором – с помощью значимых частей слова.

Термины “правильный” и “неправильный” в отношении к словам ещё не имеют у Платона культурно-речевого смысла. Его не интересовали проблемы языковой нормы. Позиция Платона в его диалоге является нормативистской, но платоновский нормативизм имеет не культурно-речевой (лингвоэтический), а гносеологический характер.

“Правильным” Платон считал то слово, которое обозначает вещь в соответствии с её сущностными качествами. “Правильный” значит “истинный”. “Неправильное” имя, напротив, содержит в своём составе такие звуки (у производных, т. е. “первичных”, слов) или словообразовательные компоненты (у производных, т. е. “вторичных”, слов), которые не соответствуют реальным свойствам обозначаемых вещей.

Свою задачу Платон видел в том, чтобы способствовать созданию “правильных” имён в будущем – таких, которые своей структурой подчёркивают истинную природу обозначаемых

мых ими явлений. Он писал: «Давать имена нужно так, как в соответствии с природой следует давать и получать имена, и с помощью того, что для этого природой предназначено, а не так, как нам заблагорассудится...» (Платон. Сочинения в 3 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1968. С. 421).

Данная задача может быть выполнена только в том случае, если перед тем, как создать новое слово, говорящий (“законодатель” этого слова) исследует свойства обозначаемой вещи. Помощь в этом может оказать философ (“диалектик”). «А законодатель, видимо, должен делать имя под присмотром диалектика, если он намерен как следует установить имя?» – задаёт риторический вопрос Платон устами Сократа (там же. С. 425).

В процессе создания “вторичных” слов говорящий должен подбирать в соответствии с выявленными свойствами вещей определённые словообразовательные компоненты, а в процессе создания “первичных” слов он должен подбирать звуки в соответствии со свойствами обозначаемых вещей. Чтобы это осуществить, он должен установить это соответствие, что и было сделано Платоном в его теории звукового символизма.

Суть теории звукового символизма состоит в приписывании звукам тех или иных значений. Платон писал: «Сжатие языка при произнесении *d* и упор при произнесении *t* полезно, кажется, применить для выражения, скованности уздою и стояния. А так как при произнесении язык очень скользит, опускаясь вниз, то, пользуясь уподоблением, он (“законодатель”) так дал имена “гладкому” (*leia*), “скользящему” (*olisthanein*), “лоснящемуся” (*liparon*), “смолистому” (*collodes*) и прочим подобным вещам... А для выражения “округлого” ему необходим был знак *o*, его-то он и вставлял по большей части в подобные имена» (там же. С. 473).

В своём «Кратиле» Платон заложил основы звукосимволической гипотезы о происхождении языка. Она составляет сердцевину натуралистического подхода к вопросу о соотношении первых слов и обозначаемых ими вещей. По этой гипотезе выходит, что отдельные звуки обладают некоторым значением. Это позволяет для создания новых слов подбирать такие звуки, которые соответствуют природе обозначаемых ими вещей.

Мощный удар по звукосимволической гипотезе о происхождении первых слов нанёс Демокрит. Сам язык, по его мнению, содержит аргументы против обсуждаемой гипотезы. Так, в языке имеются омонимы. Если бы первые слова создавались по природе обозначаемых ими вещей, то их в нём не должно было бы быть, поскольку нельзя было бы подбирать одни и те же звуки для создания слов, обозначающих разные вещи. Не должно было бы быть в языке и синонимов, поскольку нельзя было бы подбирать разные звуки для обозначения вещей, имеющих одну и ту же природу.

У автора звукосимволической гипотезы был спасительный аргумент. Он состоял в следующем: в языке имеется много неправильных имён – таких, где звуки для обозначаемой вещи либо были подобраны по ошибке создателем слова, либо искажены теми, кто их употреблял в дальнейшем. Сократ, в частности, говорит Гермогену: «Разве ты не знаешь, любезнейший, что первые установленные имена уже искажены теми, кто хотел придать им более возвышенный характер, прибавляя и изымая буквы (звуки. – В. Д.) ради благозвучия и всячески их переворачивая, а также от прикрашивания и от времени. Например, в слове зеркало (Нахопхров) разве не кажется неуместной вставка *p*? Это, думается, делают те, кто вовсе не заботятся об истине, но создают искусственное произношение, так что, многое вставляя в первые имена, они наконец доводят до того, что ни один человек не понимает, что же значит данное имя» (Фрейденоберг О. М. Античные теории языка и стиля. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 45).

Подобные аргументы не спасли натуралистов от утраты ими былого авторитета. О том, что этот авторитет был утрачен уже в IV в. до н. э. свидетельствует диалог между двумя философами – конвенционалистом Стилпоном и натуралистом Феодором-Безбожником:

«Скажи, Феодор, что в твоём имени, то ведь и в тебе?». Феодор согласился. «Но ведь в имени твоём – бог». Феодор и на это согласился. «Стало быть, ты и есть бог». Феодор и это принял без спора, но Сильпон, расхохотавшись, сказал: «Негодник ты этакий, да ведь с таким рассуждением ты себя признаешь хоть галкой, хоть чем угодно!»» (*Лаэртский Диоген*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. С. 135).

В основе лингвистического натурализма лежит идея соответствия между вещами и словами. Последние в идеале должны «подражать» вещам не только своим звуковым составом, но и словообразовательным. В реальных же языках дело до такого «подражания» сплошь и рядом не доходит. Отсутствие соответствия между вещами и словами в конечном счёте дискредитировало позицию натуралистов. Именно об этом свидетельствует приведённый диалог, состоявшийся между Сильпоном и Феодором, который был – вопреки своему имени – атеистом, за что и получил прозвище *Безбожник*.

В свою очередь конвенционалистам нанёс мощный удар в XVIII в. Жан-Жак Руссо. Каким образом, спрашивал он, первобытные люди могли договориться о звучании тех или иных слов, если этих слов у них ещё не было? В «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» он писал: «Необходимо было прежде обладать речью, чтобы потом ввести её в употребление» (*Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1961. С. 60).

Между тем спор между натуралистами и конвенционалистами в античной философии языка – предвосхищение той науки, которую в XX веке стали называть лингвосемиотикой. Её родоначальник – Фердинанд де Соссюр (1857–1913). Эта наука указывает на два главных признака языкового знака – отсылочность и произвольность (условность). Первый из этих признаков состоит в том, что языковой знак, как и любой другой, отсылает к определённой реальности, а второй – в том, что его собственные свойства отличаются от свойств этой реальности (сколько ни говори слово *халва*, во рту сладко не станет) (см. подр.: *Даниленко В. П.* Введение в языкознание. Курс лекций (с грифом УМО Министерства образования и науки РФ). М.: Флинта: Наука, 2010. С. 19–25). Первый из этих признаков забрезжил на небосклоне античной философии языка в учении натуралистов, а второй – в учении конвенционалистов.

Принцип произвольности знака в какой-то мере ослаблен у звукоподражательных слов (например, в русском языке «*кукарекать*», «*мяукать*» и т. п.), однако и в подобных случаях этот принцип действует, поскольку в разных языках звукоподражательные слова по своему звучанию не совсем совпадают (ср. русское слово *кукушка* с немецким *Kuckuck*, английским *cuckoo*). Однако сам факт существования звукоподражательных слов послужил предпосылкой для появления звукоподражательной гипотезы о происхождении языка.

1. 1. 2. Междометная (А. А. Потеня)

Сторонниками этой гипотезы были Иоганн Гердер (1744–1803), Александр Афанасьевич Потеня (1835–1891) и др. Сущность этой гипотезы состоит в предположении, что первые слова возникли из «междометий», но под последними имелись в виду не современные междометия, а те произвольные возгласы, которые издавали наши животные предки при выражении чувств.

Такого рода междометия А. А. Потеня считал подлинными междометиями и противопоставлял их словам *ах*, *ох* и т. п. Последние являются произвольными – в том смысле, что они употребляются говорящими сознательно. Современные междометия – лишь прообраз тех «междометий», которые представляли собою рефлексивные возгласы наших животных предков. Подобными междометиями пользуются животные и дети, когда они ещё не владеют взрослым языком.

В произвольных междометиях вслед за И. Гердером А. А. Потебня видел материал для будущих человеческих слов. Он писал: «Язык животных и человека в раннюю пору детства состоит из рефлексий чувства в звуках. Вообще нельзя себе представить другого источника звукового материала языка. Человеческий произвол застаёт звук уже готовым: слова должны были образоваться из междометий» (А. А. Потебня. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. С. 110).

Животные междометия – принадлежность предъязыка. Они ещё не были словами человеческого языка. Своему переходу в слова у первых людей они были вновь обязаны чувствам. «Роль чувства, – указывал А. А. Потебня, – не ограничивается передачей движения голосовым органам и созданием звука. Без вторичного его участия не было бы возможно самое образование слова из созданного уже звука» (там же. С. 116).

В чувственной природе первобытного языка был убеждён знаменитый французский философ Жан Жак Руссо. Он писал: «Я несколько не сомневаюсь, что первый (звуковой. – В. Д.) язык, существуй он поныне, сохранил бы независимо от словаря и синтаксиса свои черты, отличающие его от всех других. Не только все обороты этого языка были бы образными, чувственными, фигуральными, но даже его внутреннее устройство отвечало бы первоначальной цели доносить до чувств и разума жаждущий отклика голос страсти» (Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1961. С. 65).

Участие чувства в переходе междометий в слова А. А. Потебня усматривал в том, что междометия, первоначально служащие для произвольного выражения чувств, вызываемых определёнными предметами, стали уже сознательно употребляться в дальнейшем и для выражения представлений о самих этих предметах. Именно с этого момента они переставали быть междометиями и становились первыми словами.

Перенос междометий с обозначения чувств на их источники не был бы возможен, полагал А. А. Потебня, если бы мышление наших предков не достигло такой ступени своего развития, при которой они смогли увидеть в своих междометиях будущие слова. Своим переходом в слова междометия были обязаны не только чувству, но и мысли, способной осмыслить их как знаки вещей. «Междометие, – писал в связи с этим А. А. Потебня, – под влиянием обращенной на него мысли изменяется в слово» (указ соч. А. А. Потебни. С. 110).

Отсюда следует, что в качестве предпосылки для перехода животных возгласов в человеческие слова А. А. Потебня усматривал успешную психическую эволюцию наших предков, благодаря которой они сумели подняться до осознания знаковой природы собственных возгласов. Первобытное «междометие» в таком случае перестаёт быть произвольным животным выкриком и превращается в человеческое слово.

А. А. Потебня предполагал, что процесс перехода междометия в слово в мышлении нашего предка осуществлялся приблизительно так же, как в сознании ребенка. Он писал: «Итак, образование слова есть весьма сложный процесс. Прежде всего – простое отражение чувства в звуке, такое, например, как в ребёнке, который под влиянием боли невольно издает звук "вава". Затем – сознание звука... Наконец – сознание содержания мысли в звуке, которое не может обойтись без понимания звука другими» (там же. С. 113).

Междометия, перешедшие в слова, составили основу, опираясь на которую люди могли создавать новые слова на материале старых. Но такого рода слова были уже не первичными, а вторичными, произведёнными от других слов, а не от животных междометий.

Достоинство междометной гипотезы о происхождении языка заключается в том, что она вписывает проблему происхождения языка в психогенез. Очевидный эволюционизм составляет сильнейшую сторону данной гипотезы.

1. 1. 3. Звукоподражательная (Платон, Г. Лейбниц)

Лучше всего эта гипотеза изложена у Платона (427/347 до н. э.), Готфрида Лейбница (1646–1716) и Иоганна Гердера (1744–1803). Сущность этой гипотезы сводится к предположению о том, что наши предки научились говорить благодаря подражанию не только звучащей природе (пению птиц, блеянию овец и т. д.), но и беззвучной. В последнем случае речь шла не о простом копировании звуков, которые первобытный человек слышал в природе, а о выражении с помощью звуков своих впечатлений о тех или иных свойствах предмета (его форме, размере и т. п.).

О словах, возникших из непосредственного подражания звучащей природе, Платон писал: «...кто подражает скоту, петухам и прочим животным, именуется то, чему они подражают» (Античные теории языка и стиля / Под ред. О. М. Фрейденберг. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 47).

В более сложном положении сторонники звукоподражательной гипотезы о происхождении языка оказывались, когда речь заходила о словах, появившихся в языке, по их предположению, благодаря звуковому выражению впечатлений о незвучащих предметах. Выход они нашли в соединении звукоподражательной гипотезы со звукосимволической. Они приписывали тем или иным звукам связь с обозначением определённых свойств этих предметов. Так, звуку [г] приписывалась связь с обозначением чего-нибудь резкого и твердого, а звуку [л] – плавного и мягкого. В свою очередь звуку [о] приписывалось выражение округлого. По поводу этого звука Платон писал: «Нуждаясь в звуке О для круглого, он (изобретатель слова. – В. Д.) его преимущественно вливал в это имя» (там же. С. 51).

С помощью звукоподражательной гипотезы о происхождении языка Г. Лейбниц объяснял наличие звука [г] в словах, связанных с обозначением разрыва (нем. *Riss*, лат. *rumpo*, фр. *arracher*, ит. *straccio* и т. п.). Подобным образом он объяснял присутствие звука [л] в латинском слове *mel* (*мед*), в немецком *lieben* (*любить*) и т. п.

На подлинно научную высоту звукоподражательную гипотезу о происхождении языка поднял в XVIII в. Иоганн Гердер. В своём «Трактате о происхождении языка» (1772) он прекрасно показал, что эта гипотеза – вовсе не плод досужего воображения. Она объясняет, почему именно со звукоподражательных слов начался человеческий язык. Всё дело в их полупроизвольной природе. Условный момент в них сочетается с подражательным. Первые слова нашим предкам было легче создавать за счёт подражания звучащим предметам. Их звучание подсказывало, с помощью каких звуков обозначить ту или иную вещь. Условный момент в звукоподражательных словах в свою очередь способствовал осознанию произвольности знака. Вот почему вслед за полупроизвольными звукоподражательными словами первобытные люди сумели перейти к созданию произвольных незвукоподражательных слов.

1. 1. 4. Трудовая (Монбоддо, Л. Нуаре, Ф. Энгельс, Б. В. Якушин)

Истоки этой гипотезы восходят ещё к Демокриту, но наибольший вклад в её разработку внесли Джеймс Бернетт, лорд Монбоддо (1714–1799), Людвиг Нуаре (1827–1897), Фридрих Энгельс (1820–1895) и Борис Владимирович Якушин (1930–1982). Между тем ещё в Средние века мы обнаруживаем её предтечу у «отцов церкви» – Григория Нисского (IV в.), Аврелия Августина (IV–V вв.), Иоанна Дамаскина (VII–VIII вв.) и др.

Как показал Ю. М. Эдельштейн (см.: Проблемы языка в памятниках патристики // История лингвистических учений. Средневековая Европа / Под ред. А. В. Десницкой и С. Д. Кацнельсона. М.-Л.: Наука, 1985. С. 157–207), отцы церкви отнюдь не были религиозными

фанатиками и мракобесами. Они были людьми творческими и сумели внести много нового в развитие философии языка. Они поставили, в частности, впервые вопросы о коммуникации у животных, о невербальном мышлении и внутренней речи у людей и т. д.

Особого внимания заслуживает теория происхождения языка, разработанная Григорием Нисским (335–394), который развивал в ней идеи не только своего брата – Василия Кесарийского (Великого), но и античных авторов.

Свои взгляды на проблему происхождения языка Григорий излагал в полемике с Евномием, который считал, что слова создаются человеком не самостоятельно, а в сотворчестве с Богом. Человеку, по Евномию, принадлежит пассивная роль в процессе словообразования, поскольку она сводится лишь к тому, чтобы угадывать имена, данные тем или иным вещам самим Богом.

Григорий, напротив, считал, что Бог одарил человека лишь творческой способностью, благодаря которой он сам, без помощи Бога, может создавать новое – будь то дом, меч, плуг или слово. Имена, по Григорию, создаются человеком, с одной стороны, в соответствии со свойствами обозначаемых вещей, а с другой стороны, в соответствии с национальным своеобразием языка, на котором говорит автор нового слова.

Григорий Нисский принимал, таким образом, как натуралистический, так и конвенциалистский принципы в словообразовании, однако делал упор на последнем из них. Он писал: «Итак, всем подтверждается наше слово (хотя оно и не искусно построено по правилам диалектики), доказывающее, что Бог – Создатель предметов, а не простых речений, ибо не ради Его, а ради нас прилагаются предметам имена... Если же кто скажет, что эти имена образуются, как угодно людям, сообразно их привычкам, тот нисколько не погрешит относительно понятия Промысла, ибо мы говорим, что имена, а не естество существующих предметов происходит от нас. Иначе именует небо еврей и иначе хананей, но тот и другой понимают одно и то же, от различия звуков нисколько не ошибаясь в разумении предмета» (там же. С. 185).

Заслуга Григория Нисского состоит прежде всего в том, что в своей теории он поставил язык в один ряд с другими продуктами культуры, считая, что язык, подобно любому другому продукту культуры, создается человеком благодаря его творческому отношению к действительности.

Особенно неожиданным в размышлениях отца Григория о происхождении языка звучит вполне материалистическое утверждение о том, что в качестве предпосылки возникновения языка следует рассматривать развитие человеческой руки. Он писал: «Содействие рук помогает потребности слова, и если кто-то услугу рук назовет особенностью словесного существа – человека, если сочтёт это главным в его телесной организации, тот нисколько не ошибётся... Рука освободила рот для слова» (там же. С. 189).

В 1773 г. в Шотландии вышел шеститомный труд Монбоддо «О происхождении и прогрессе языка». Его автор изложил в нём предтечу трудовой гипотезы Нуаре-Энгельса.

Своим происхождением орудия труда, по мнению Монбоддо, обязаны успешной психической эволюции их создателей. Но подобной эволюции обязан своим происхождением и язык.

Первые слова были неполноценными. Их отличие от слов полноценных состояло в их диффузности – как звуковой, так и смысловой. Звуковая диффузность первых слов выразилась в их слабой членораздельности, а смысловая – в синкретичности их значения. Вот почему их нельзя было отнести к какой-либо части речи. Монбоддо писал в связи с этим: «Какие слова были изобретены первыми? – Мой ответ: если под словами понимать части речи, то первых слов вообще не было; а первые артикулированные звуки обозначали целые предложения» (*Донских О. А. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск: Наука, 1984. С. 79*).

Орудия труда и язык Монбоддо соединил в одну связку. Их прогресс зависел от их взаимного влияния друг на друга, однако на приоритетное положение в ней он поставил орудия труда.

Прогресс в изготовлении орудий труда повлиял на происхождение и развитие языка в двух отношениях: с одной стороны, он заставлял людей объединяться во всё более и более многочисленные союзы, трудовая деятельность которых в значительной мере зависела от выполнения её участниками тех задач, которые связаны с использованием языка, а с другой стороны, этот прогресс способствовал развитию у первобытных людей абстрактного мышления, что не могло не влиять на развитие языка: он эволюционировал от употребления слов в конкретном значении к их употреблению во всё более и более абстрактном значении. Монбоддо здесь использовал идею Д. Локка о том, что первые слова обозначали только индивидуальные предметы, а стало быть, были именами собственными, но со временем они стали превращаться в имена нарицательные, поскольку стали обозначать всё более и более обширные совокупности похожих предметов.

Особенно ярко трудовую гипотезу о происхождении языка изложил в работе «Происхождение языка» (1877) Людвиг Нуаре. Он писал: «...трудом достигаемые модификации внешнего мира рождаются с теми звуками, которые сопровождают работу, и таким путём эти звуки приобретают определённое значение. Так возникли корни языка, те элементы или первичные клеточки, из которых выросли все известные нам языки» (*Донских О. А. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск: Наука, 1984. С. 104.*)

Иначе говоря, Л. Нуаре считал, что первые корнесловы возникли из звуков, которые вырывались из уст наших предков во время трудовых действий.

Глоттогенез Ф. Энгельс вписывал в антропогенез. В работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1896) он писал: «Наши обезьяноподобные предки, как уже сказано, были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков. Начинаясь вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом вперёд кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать друг другу*. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путём модуляции для всё более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим» (*Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трёх томах. Т. 3. М.: Издательство политической литературы, 1981. С. 72.*)

Для доказательства правильности своей точки зрения на проблему глоттогенеза Ф. Энгельс прибегал к сравнению животных языков с человеческими. «Что это объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно правильным, – писал он, – доказывает сравнение с животными. То немногое, что эти последние, даже наиболее развитые из них, имеют сообщить друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи. В естественном состоянии ни одно животное не испытывает неудобства от неумения говорить или понимать человеческую речь. Совсем иначе обстоит дело, когда животное приручено человеком. Собака и лошадь развили в себе, благодаря общению с людьми, такое чуткое ухо по отношению к членораздельной речи, что, в пределах своего собственного им круга представлений, они легко научаются понимать всякий язык» (там же).

Ф. Энгельс предсказал появление попугая Алекса. Он писал: «Птицы являются единственными животными, которые могут научиться говорить, и птица с наиболее отвратительным голосом, попугай, говорит всего лучше. И пусть не возражают, что попугай не понимает того, что говорит. Конечно, он будет целыми часами без умолку повторять весь свой запас слов из одной лишь любви к процессу говорения и к общению с людьми. Но в пределах своего круга представлений он может научиться также и понимать то, что он говорит. Научите попугая бранным словам так, чтобы он получил представление об их значении (одно из главных развлечений возвращающихся из жарких стран матросов), попробуйте его затем дразнить, и вы скоро откроете, что он умеет так же правильно применять свои бранные слова, как берлинская торговка зеленью. Точно так же обстоит дело и при выклянчивании лакомств» (там же).

Трудовая гипотеза о происхождении языка легла в основу марксистской глоттогенетики в СССР. Так, А. Г. Спиркин вслед за Ф. Энгельсом писал: «Потребность во взаимном общении родилась в условиях коллективной трудовой деятельности, направленной на удовлетворение материальных потребностей человека... Начало формирования речи обычно связывают с переходом полуживотного предка человека к искусственному изготовлению и систематическому использованию орудий трудовой деятельности» (Спиркин А. Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления // Мышление и язык. Под ред Д. П. Горского. М.: Издательство политической литературы, 1957. С. 26).

Высшим достижением марксистской глоттогенетики стала концепция Б. В. Якушина. Она изложена им в очерке «Происхождение человека и языка в процессе трудовой деятельности» (см.: Онтология языка как общественного явления. Под ред. Г. В. Степанова и В. З. Панфилова. М.: Наука, 1983. С. 37–104) и в последней главе («Язык – продукт общественного развития») его книги «Гипотезы о происхождении языка» (М.: Наука, 1984).

В трудовой деятельности наших предков Б. В. Якушин видел предпосылку для их успешного психического развития: «“Труд начинается с изготовления орудий”, – писал Ф. Энгельс. Процесс изготовления орудий труда и охоты играет большую роль в психическом (прежде всего интеллектуальном) и социальном (в орудиях труда овеществляется соответствующий опыт) развитии первобытных людей» (Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. М.: Наука, 1984. С. 103).

Вот как Б. В. Якушин объяснял роль труда для развития психики у первобытных людей: «Обработка материала, и особенно такого “капризного” – твёрдого и хрупкого, как кость или камень, требовала мобилизации и интенсификации всех психических процессов работника... Трудовые действия планомерны и последовательны; они включают в себя напряжение нервных и физических сил, работу всех органов чувств. Они требуют расчётливого мышления и воображения. А это означает, что анализ и синтез, абстракция и обобщение становились более тонкими, разветвлёнными и многоступенчатыми» (там же).

Психическая эволюция у первобытных людей, стимулируемая их трудовой деятельностью, сочеталась с их языковой эволюцией. В её основе, по предположению Б. В. Якушина, лежал не звуковой язык, а пантомима. Он писал: «Использование орудий труда, способность к тонкой координации движений создали условия для самого естественного способа передачи информации – жестом, мимикой, позой, короче – пантомимой» (там же. С. 113).

Пантомима у первобытных людей вовсе не была немой: она сопровождалась теми или иными эмоциональными выкриками. Эти выкрики с течением времени выдвинулись у наших далёких предков на первый план, оттеснив на второй план пантомиму. Почему это произошло? Потому что звуковая форма передачи информации имеет неоспоримые преимущества перед зрительной. Вот почему пантомимический язык у первобытных людей уступил место звуковому.

Нельзя сказать, что пантомима полностью исчезла из общения первобытных людей, но большая часть используемых ими жестово-мимических знаков, с одной стороны, и нечленораздельные эмоциональные выкрики, с другой, стали всё больше и больше заменяться на звуковые знаки, т. е. членораздельные слова.

Так происходил переход пантомимического языка у первобытных людей к звуковому. Вот что писал об этом переходе Б. В. Якушин: «Выполняя одну и ту же знаковую функцию, пантомима и звук как бы конкурировали между собой, и в этой конкуренции победил более экономичный и оперативный звук» (там же).

Первобытный язык (в обеих его формах – пантомимической и звуковой), по мнению Б. В. Якушина, выполнял по преимуществу прагматическую («управленческую») функцию. В нём преобладали повелительные предложения, без которых невозможна коллективная трудовая деятельность.

Б. В. Якушин в связи с этим указывал: «Общение между первобытными людьми обязательно должно было выйти из наличной ситуации, и передаваемая информация должна была относиться к прошлым или будущим событиям. Элементарные средства общения имели “управленческий” характер: “отрезок” пантомимы, звук или их сочетание представляли собой команды для внешнего или внутреннего действия и содержали в себе информацию о действующем лице, его действии и объекте» (там же).

В конце своей книги Б. В. Якушин наметил разграничение двух эпох в эволюции языка – эпохи однословных предложений («слов-предложений») и эпохи несколькихсловных («членораздельных») предложений. По поводу первой из этих эпох он писал: «Нечленораздельный звук, становясь многозначным, начал варьироваться и стягиваться до тех пределов, в которых он оставался отличимым от других звуков. Каждый такой звук имел своё значение – образ отрезка пантомимического действия. Это уже были слова-предложения» (там же).

Последний абзац в книге Б. В. Якушина посвящён характеристике второй эпохи языковой эволюции: «Возрастающее число и разнообразие ситуаций, в которых участвовал древний человек, потребовали их большего дробления и обобщения в сознании, что в свою очередь вызвало необходимость комбинирования становящихся всё более абстрактными значимых звуков для описания ситуаций. Так возникли членораздельные предложения» (там же).

Сделаем вывод. Если достоинство междоменной гипотезы о происхождении языка состоит в том, что она вписала проблему плоттогенеза в психогенез, то звукоподражательная и трудовая приблизились к её культурологической интерпретации, поскольку стали связывать появление первых слов с творческой, преобразующей деятельностью наших предков, благодаря которой они и пошли по пути культурогенеза.

1. 2. Новые

Очень обстоятельный обзор новых гипотез о происхождении языка дан в книге С. А. Бурлак «Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы» (М.: Астрель, 2012). Я ограничусь в своей книге кратким критическим анализом лишь основных.

1. 2. 1. Натавистская гипотеза Н. Хомского

В молодые годы Ноэм Хомский (род. в 1926) взлетел на олимп мировой славы благодаря своей теории генеративной грамматики. Уже и тогда он настаивал на врожденности универсальной грамматики. На старости лет он перенёс идею врожденности на глоттогенез. По поводу этой идеи сразу послушаем Б. Бичакджана: «Языки не являются ничем не обусловленными вариантами некоей универсальной устойчивой грамматики, которую генетическая мутация привнесла в наши хромосомы. Языки – это наборы эволюционирующих черт» (*Бичакджан Б. Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М. Языки славянских культур, 2008. С. 85*).

Язык, с точки зрения Н. Хомского, обязан своим происхождением вовсе не потребности что-либо сказать, а потребности о чём-либо размышлять. Язык потому главным образом и возник, чтобы обеспечивать процесс познания. Когнитивную функцию языка он возвысил над коммуникативной. Первая – главная, а другая – побочная.

Н. Хомский писал: «Язык не считается системой коммуникации в собственном смысле слова. Это система для выражения мыслей, т. е. нечто совсем другое. Её, конечно, можно использовать для коммуникации... Но коммуникация ни в каком подходящем смысле этого термина не является главной функцией языка» (*Хомский Н. О природе и языке. М.: КомКнига, 2005. С. 114*).

Рациональное зерно в только что приведённой цитате очевидно: возможности вербального мышления неизмеримо выше аналогичных возможностей невербального мышления. Вербальному мышлению человек в первую очередь и обязан своему стремительному отрыву от своих животных собратьев в своей когнитивной эволюции. Она была бы невозможна, если бы наш предок не сумел создать инструмент для своего мышления – язык.

Выходит, что перед языком можно смело ставить когнитивную потребность в качестве причины для появления человеческого языка. Но отсюда вытекает неизбежный вывод о том, что даже и в одиночестве человек должен был бы создать себе язык как «систему для выражения мыслей» – во внутренней речи. Чтобы с её помощью познавать мир. А уж потом он сообразил, что внутреннюю речь можно превратить во внешнюю, чтобы приобщить к ней других. Приблизительно так и думал в XVIII в. Иоганн Гердер. Новое – хорошо забытое старое!

И. Гердер писал: «...ведь даже дикарь, одинокий дикарь, живущий в лесу, и тот должен был бы создать себе язык, даже если бы он и не говорил на нём никогда. Язык явился результатом соглашения, которое душа его заключила сама с собою, и это соглашение было столь же неизбежно, как то, что человек был человеком» (*Гердер И. Трактат о происхождении языка. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 143*).

Одно непонятно: зачем под глоттогенез подводить только когнитивную потребность в языке, а коммуникативную оставлять на задворках? Почему между ними не заключить союз? Первые люди нуждались не только в познании мира, в котором они живут, но и в общении друг с другом. Вот почему ущемление коммуникативного фактора глоттогенеза за счёт

гипертрофии когнитивного в гипотезе Н. Хомского нужно исправить на когнитивно-коммуникативную гармонию. Но эта гармония будет неполной, если мы не превратим её в когнитивно-коммуникативно-прагматическую, поскольку в основе происхождения языка лежат не только когнитивный и коммуникативный факторы, но и прагматический.

Прагматический фактор глоттогенеза связан с переходом слова в дело. Нет никаких оснований сомневаться в том, что первые люди не могли додуматься до осознания прагматической функции зарождающегося у них языка. Этой функцией пользуются животные, предупреждая своих соплеменников, в частности, о грозящей опасности. Люди лишь унаследовали от них использование языка как средства, с помощью которого они могут «воздействовать друг на друга с большей эффективностью» (*Блумфильд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. С. 42*).

1. 2. 2. Протограмматическая гипотеза Т. Гивона

Талми Гивон (род. в 1936) в 1962 г. получил степень магистра наук в области садоводства, но с 1966 г. он пошёл по лингвистической стезе. В это время лингвистическую науку уже в значительной мере охватил хомскианский угар. Т. Гивон не принял грамматики Н. Хомского. От критики этой грамматики он пришёл к своей версии глоттогенеза.

В отличие от Н. Хомского, Т. Гивон не оставил в своей гипотезе о происхождении языка коммуникативную функцию языка в тени когнитивной. По традиции он стал рассматривать язык не только как инструмент мышления, но и как средство общения. От себя он подчеркнул: с помощью языка говорящий имеет возможность узнать что-то новое не только благодаря собственным размышлениям, но и от других людей. Иначе говоря, коммуникативная функция языка может превращаться в когнитивную.

Т. Гивон разделил глоттогенический процесс на два этапа – протограмматический и грамматический. Первый из них характеризуется отсутствием грамматикализации, т. е. отсутствием специальных грамматических показателей у первых слов-предложений, а вторая идёт по пути растущей грамматикализации, т. е. по пути увеличения грамматических показателей у несколькихсловных предложений. Следовательно, второй этап глоттогенеза характеризуется появлением подлинного синтаксиса, тогда как в первый он по существу отсутствует, поскольку первые люди употребляли лишь однословные предложения.

Рассуждая подобным образом, Т. Гивон пришёл к тем же соображением, к которым А. А. Потебня пришёл ещё в XIX в. Выражение «всё новое – хорошо забытое старое» здесь, кстати сказать, не годится, поскольку американские языковеды, за очень редким исключением, не имеют ни малейшего представления о российской лингвистической науке. Никогда не узнает этот Т. Гивон и о том, что я здесь о нём пишу.

А. А. Потебня предполагал, что первобытные люди потому употребляли однословные предложения, что их мышление ещё не способно было расчленять описываемую ситуацию на предмет (субъект) суждения и его признак (предикат). Их мышление было ещё синкретическим по преимуществу. Вот почему гипотетическое предложение «*Лек*» у них означало «*Птица летит*». Субъект в нём спаян с предикатом. Естественно было назвать это «*Лек*» первобытным причастием, поскольку именно причастие совмещает в себе именные и глагольные особенности. Но это причастие ещё представляло собою безаффиксный корнеслов. Оно ещё не подверглось грамматикализации.

На место потебнианского первобытного причастия Т. Гивон поставил указательные местоимения, возникшие в результате вокализации указательных жестов. Если, по А. А. Потебне, имена и глаголы возникли из первобытных причастий, то по Т. Гивону – из первобытных указательных местоимений. Из этих местоимений он вывел личные местоимения, артикли и существительные. Между существительными и глаголами затем наступила

длинная пауза, необходимая для того, чтобы первые люди в своей когнитивной эволюции дозрели до соединения существительных с глаголами для построения субъектно-предикатных предложений. Как только это произошло, появились несколькословные предложения с субъектно-предикатной структурой и начался второй этап гологтогенеза – грамматический. Он характеризовался приливом грамматических средств, позволяющих предложению всё больше и больше совершенствовать свою синтаксическую структуру.

Как видим, гипотеза Т. Гивона заслуживает высокой оценки. Её истоки восходят в Европе к Ф. Боппу, В. Гумбольдту, А. Шляйхеру и А. А. Потемне. В ней отражён эволюционный взгляд на происхождение языка. Языковая эволюция предстаёт в ней как процесс, движущийся от простого к сложному – от грамматически неоформленных слов-предложений в протоязыке к грамматически оформленным несколькословным предложениям в языке.

1. 2. 3. Музыкальная гипотеза Н. Масатаки

Нуобо Масатака (род. в 1954) – японский приматолог. Он поделил начальный этап глоттогенеза на три периода – гуления, лепета и пения. Материал для такой периодизации он нашёл в доязыковом поведении младенцев и коллективных дуэтах гамадрилов. В процессе первого периода наши предки создали слоги, в процессе второго – многосложные слова, и в третий они их запели.

Сам того не подозревая, Н. Масатака в какой-то мере возродил И. Гердера, который писал: «...если первым языком человека было пение, то пение это было для него настолько же естественно и настолько соответствовало его органам и природным инстинктам, насколько пение соловья – естественно для этой птицы, которую можно было бы назвать летающей глоткой. Именно таким и был наш звучащий язык. Кондильяк, Руссо и другие были уже на полпути к этой мысли, когда они выводили просодию и песенный характер древнейших языков из криков, порождаемых чувством» (*Гердер И.* Трактат о происхождении языка. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 149).

И. Гердер, вместе с тем, в своей гипотезе о происхождении языка опирался не на музыкальную сторону живой речи, а на междометную гипотезу и звукоподражательную. Музыкальная же гипотеза Н. Масатаки чересчур упрощает зарождение языковой способности у человека.

1. 2. 4. Паразитная гипотеза Т. Дикона

Терренс Дикон – профессор биологической антропологии и нейронаук Университета Калифорнии в Беркли. Он додумался уподобить язык паразиту. Подобно тому, как паразиты внедряются в те или иные организмы, язык внедрился в мозг гоминидов. Поначалу он не особенно влиял на разум, но со временем его влияние на разум всё возрастало и возрастало. Более того, между языком и разумом установились отношения сотрудничества, благодаря которому происходит двойная эволюция – языковая и психическая.

К паразитной гипотезе происхождения языка, по-видимому, следует относиться как к шутке, в которой есть доля правды.

1. 2. 5. Гипотеза груминга р. данбара

Робин Данбар (род. в 1947) – американский культуролог. Он вывел язык из груминга – заботливого выискивания обезьянами насекомых в шерсти своих сородичей. Вот уж поистине неисповедимы пути господни!

Груминг – средство единения той или иной группы обезьян. Он возможен только в малочисленных сообществах. Чем многочисленнее они становятся, тем всё труднее и труднее грумингу выступать в качестве средства единения. Со временем им ничего не остаётся, как заменить его на другое средство единения – язык. Что же, и в этой гипотезе есть рациональное зерно: язык и в самом деле – средство единения.

С юмором гипотезу Р. Данбара описал Дерек Бикертон: «Он (груминг. – В. Д.) связывает обезьян друг с другом, позволяя сообществам быть (относительно!) сплочёнными. Но для этого требуется время. А если социальная группа слишком сильно увеличивается, груминг – процедура личного, непосредственного взаимодействия – занимает слишком много времени. Вы просто не успеете вычесать блох у всех, у кого нужно это сделать, и в оставшееся время найти себе пропитание. Поэтому Данбар предположил, что язык появился как заменитель груминга. Вы можете вычесывать физически только одного товарища за раз, а чесать языками можно одновременно с тремя или четырьмя» (*Бикертон Д. Язык Адама. Как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 28*)

Итак, новые о гипотезы о происхождении языка далеко неравноценны. Так, об авторах трёх последних можно сказать словами Н. В. Гоголя: «лёгкость необыкновенная в мыслях». С лёгкостью необыкновенной Н. Масатака вывел первобытный язык из пения, Т. Дикон уподобил язык паразиту, а Р. Данбар вывел его из груминга. Зато гипотезы Н. Хомского и Т. Гивона заслуживают высокой оценки. Они свидетельствуют о преемственности между ними и старыми гипотезами. Актуальность последних подтверждена временем их существования в науке.

Междоментная, звукоподражательная и трудовая гипотезы о происхождении языка отнюдь не устарели. Чтобы извлечь из них рациональное зерно, их нужно актуализировать. При этом речь идёт не о том, чтобы выбрать из них какую-то более верную, оставив другие на втором плане, а о том, чтобы их синтезировать. Их вообще не нужно ставить в отношения конкуренции друг с другом. Каждой из них нужно найти своё место в единой эволюционной теории глоттогенеза. Это станет возможным, когда каждая из них будет соотнесена с соответственным моментом в процессе, с одной стороны, подготовки к глоттогенезу (междоментная), а с другой, его начала и развития (звукоподражательная и трудовая).

2. Философские (универсально-эволюционные) подходы к решению проблемы глоттогенеза

Биологические, психологические и культурологические подходы к решению проблемы глоттогенеза называются частнонаучными. Поскольку базовые науки, на которые они опираются, относятся к частным наукам. Каждая из них направлена на изучение соответственной части мира. Представители этих подходов в глоттогенической науке рассматривают язык по преимуществу как результат либо эволюции живой природы, либо эволюции психики, либо эволюции культуры. Вот почему эти подходы могут быть названы также частно-эволюционными.

Цель философии – построение общенаучной картины мира. Для выполнения этой цели, она обобщает достижения всех частных наук. Это позволяет ей увидеть в современном мире результат универсальной эволюции. Один из таких результатов – язык. Он, с философской точки зрения, есть не что иное, как продукт унигенеза – эволюции вселенной. Отсюда следует, что философские подходы к решению проблемы глоттогенеза должны расцениваться как универсально-эволюционные. Их методологическая опора – универсальный эволюционизм. О его сущности и истории я написал книгу: *Универсальный эволюционизм – путь к человечности*. СПб.: Алетейя, 2013. 496 с.

Истоки универсального эволюционизма в философии следует искать у Демокрита, Эпикура и Лукреция.

2. 1. Демокрит унигенез

У Демокрита (460–370 до н. э.) мы обнаруживаем первый в Европе завершённый эскиз философской картины мира, поскольку он охватил своим взором весь мир. В начало этой картины мира он поместил атомы и пустоту.

По свидетельству Диогена Лаэртского, «Демокрит утверждал: начало Вселенной – атомы и пустота. Миров бесчисленное множество, и они имеют начало и конец во времени. И ничто не возникает из небытия... И атомы бесчисленны по разнообразию величин и по множеству; носятся же они во Вселенной, кружась в вихре, и, таким образом, рождается всё сложное: огонь, вода, воздух, земля. Дело в том, что последние суть соединения некоторых атомов» (Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. М.: Мысль, 1969 (в дальнейшем – АМФ). С. 326–327).

Историки философии оказали Демокриту не самую лучшую услугу: при анализе его научного наследия в целом они поставили на первое место его атомистическое учение. Не отрицая достоинств этого учения, следует сказать: главная заслуга Демокрита состоит в том, что он стал основателем универсального эволюционизма в Европе.

Физиогенез

Демокрит высказывался по поводу возникновения и развития земли, солнца и луны. Он говорил, например: «Вначале земля блуждала вследствие своей малости и лёгкости; с течением времени, сделавшись плотнее и тяжелее, она пришла в неподвижное состояние» (АМФ. С. 336).

Биогенез

Влажные вещества на земле, по мнению Демокрита, «под воздействием теплоты и гниения начали порождать жизнь» (там же. – С. 338). Первые люди, по его утверждению, «произошли из воды и ила» (там же. С. 339).

Психогенез

По поводу психологических представлений Демокрита до нас дошли противоречивые сведения. Азий сообщил о том, что под душой Демокрит понимал огнеподобное соединение атомов, а Макробий указывал на то, что душа, по Демокриту, «воздух, примешанный к атомам» (АМФ. С. 340).

Культурогенез

Демокриту приписываются высказывания о предметах различных наук о культуре, но, пожалуй, больше всего его интересовали в культурологии вопросы, связанные с происхождением материальной культуры и духовной.

Первородные люди, по мнению Демокрита, питались лишь дикорастущей пищей. Но в дальнейшем, когда «они стали зимой искать убежища в пещерах», они научились «откладывать про запас те из плодов, которые могут сохраняться» (АМФ. С. 344). Освоению ремёсел, которые позволили им изготавливать одежду и строить жилища, способствовала способность людей к подражанию животным. «От животных, – говорил Демокрит, – мы путём подражания научились важнейшим делам: мы ученики паука в ткацком и портняжном ремёслах, ученики ласточки в построении жилищ...» (там же. С. 345–346).

Глоттогенез

Демокрит, по свидетельству Диодора, следующим образом объяснял происхождение языка: «Так как на них нападали звери, то они стали научиться взаимно помогать друг другу благодаря пользе, приносимой совместными действиями. Собираясь же вместе вследствие страха, они мало-помалу стали познавать знаки, подаваемые друг другу. Вначале голос их был бессмысленным и нечленораздельным, постепенно они стали говорить членораздельно и в общении друг с другом стали устанавливать символы относительно каждой из вещей, и таким образом они создали самим себе привычную речь обо всём существующем» (АМФ. С. 344).

* * *

Демокриту принадлежит ведущая роль в зарождении синтетического взгляда на назначение философии – того взгляда, который предполагает, что философия, благодаря универсальному эволюционизму, обобщает достижения всех частных наук – физики, биологии, психологии и культурологии, тем самым создавая общенаучную (философскую) картину мира. Прямыми наследниками Демокрита в античной философии стали Эпикур и его ученик Тит Лукреций Кар, но они шли по пути, уже проложенному их общим учителем.

2. 2. Тит Лукреций Кар

Унигенез

Унигенез объединяет физиогенез, биогенез, психогенез и культурогенез. В поэме Тита Лукреция Кара (99–55 до н. э.) «О природе вещей» обрисовано каждое из этих звеньев эволюции. Но кое-где её автор даёт более или менее целостное представление об унигенезе. Такое, например:

*Мне объяснить остаётся, – и к этому ход рассуждений
Наших приводит, – что мир образован из смертного тела
И одновременно то, что имел он начало когда-то;
Как получилось, что тут сочетанье материи дало
Землю, и небо, и море, и звёзды, и солнце, и лунный
Шар, а затем и какие из нашей земли появились
Твари живые, а также каких никогда не рождалось;
Как человеческий род словами различными начал
Между собою общаться, названья давая предметам,
Как в наше сердце проник этот ужас и страх пред богами...*

В качестве объединяющего начала в поэме Лукреция выступает закон развития. Его сущность демонстрируется на примере дождей:

*...дожди исчезают, когда их низвергнет
Сверху родитель-эфир на земли материнское лоно.
Но наливаются злаки взамен, зеленеют листвою
Ветви дерев, и растут, отягчаясь плодами, деревья.
Весь человеческий род и звери питаются ими,
И расцветают кругом города поколением юным,
И оглашается лес густолиственный пением птичьим;
Жирное стадо овец, отдыхая на пастбище тучном,
В неге ленивой лежит, и, белея, молочная влага
Каплет из полных сосцов, а там уже и юное племя
На неокрепших ногах по мягкому прыгает лугу,
Соком хмельным молока опьяняя мозги молодые.
Словом, не гибнет ничто, как будто совсем погибая,
Так как природа всегда возрождает одно из другого
И ничему не даёт без смерти другого родиться.*

Что мы видим? В своей физической форме (дожди) материя способствует развитию её биотической формы (деревья), а последняя – развитию её культурной формы (города). Здесь маячит два перехода: *физиосфера* → *биосфера* → *культура*. Между биосферой и культурой напрашивается психика, тем более, что упоминаются «мозги молодые», но главное вот в чём: города сначала создаются в голове строителей.

Идея эволюционных переходов выглядит как химера, если её провозвестники не признают главного постулата универсального эволюционизма. Его установил Лукреций. Это постулат о вечности и развитии материи. В краткой форме он его сформулировал так:

«Вещам невозможно из ничего возникать и, родившись, в ничто обращаться» (Лукреций. О природе вещей. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 32). В развёрнутом виде этот постулат звучит так:

*Были тела, из каких состоит этот мир, обновляясь,
То, несомненно, они обладают бессмертной природой
И потому ничему невозможно в ничто обратиться,
И, наконец, от одной и той же причины и силы
Гибла бы каждая вещь, не будь материя вечной...*

Заслуга Лукреция бесспорна. Вслед за Демокритом и Эпикуром он стал провозвестником универсального эволюционизма. Благодаря его поэме, мы имеем возможность проникнуть в самое полное представление об античной эволюционной картине мира. Идея эволюционных переходов скрепляет эту поэму в единое целое. Он писал в ней:

*...природу всего мироздания время меняет:
Из одного состояния всё переходит в другое.
Не остаётся ничто незыблемым: всё преходяще,
Всё претворяет природа и всё заставляет меняться.*

Глоттогенез

Говоря современным языком, можно сказать, что Лукреций вывел три фактора глоттогенеза – биотический, психический и культурный.

Биотический фактор глоттогенеза состоит в том, что природа одарила людей органами тела, способными к речевой деятельности. Вот почему Лукреций не видел ничего странного в возникновении у них языка:

*Что же тут странного в том, наконец, если род человека
Голосом и языком одарённый,
означил предметы Разными звуками все,
по различным своим ощущениям?*

Психический фактор глоттогенеза состоит в том, что природа одарила людей разумом. Он позволил им превратить произвольные выкрики, которые дикари издавали при переживании сильных чувств, в осмысленные слова. Чтобы не быть голословным, Лукреций подтверждает это предположение наблюдениями за начатками коммуникативных способностей у животных – собак, лошадей и птиц. Так, по поводу последних он пишет:

*Ястреб, гагара, скопа – когда они по морю ищут,
В волнах солёных себе пропитанье и корм добывая,
То по-иному совсем кричат в эту пору обычно,
Чем если спорят за корм или борются с самой добычей*

Отсюда вывод:

*Стало быть, коль заставляют различные чувства животных
Даже при их немоте испускать разнородные звуки,
Сколь же естественней то, что могли первобытные люди
Каждую вещь означать при помощи звуков различных.*

Культурный фактор глоттогенеза состоит в том, что язык – один из продуктов культуры. Лукреций вписал язык в культуросозидательную деятельность первобытных людей. Язык, с его точки зрения, способствовал этой деятельности. Он появился не от праздности, а от нужды:

Что же до звуков, какие язык производит, – природа Вызвала их, а нужда подсказала названья предметов.

Лукреций представил в своей поэме самую передовую для античности теорию происхождения языка. Она вполне согласуется с современными представлениями о глоттогенезе. Так, опыты, проводимые во второй половине XX в. с обезьянами, показали, что они способны к усвоению зрительной формы языка, но не способны научиться его устной форме. Этому препятствует строение их ротовой полости. Не приходится сомневаться в актуальности психического фактора глоттогенеза: без успешной психической эволюции возникновение языка у людей не представляется возможным. Что касается культурного фактора глоттогенеза, то именно ему следует отдавать приоритет: язык появился и развивался в рамках преобразующей, творческой, культуросозидательной деятельности наших предков.

2. 3. Жюльен де Ламетри

Линия *Демокрита – Эпикура – Лукреция* в Средние века прервалась на несколько столетий. Поэма Лукреция канула в Лету. Иначе и не могло быть. Её автор стремился изобразить эволюционную картину мира с научной точки зрения, которая никак не могла устроить отцов церкви. Они исходили из «Шестоднева» – библейского учения о божественном творении мира за шесть дней. В истории универсального эволюционизма наступила многовековая ночь.

По судьбе поэмы Лукреция мы можем судить в какой-то мере о судьбе универсального эволюционизма в целом. В первую очередь христианских теологов не устраивал у представителей универсального эволюционизма их атеизм. В особенности доставалось Эпикуру. Он прослыл у них безбожной свиньёй (*Лукреций. О природе вещей*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 10). Как пояснил Климент Александрийский (150–215), апостол Павел (Савл) (5/15-64/67), главный редактор «Нового завета», в своих обличительных речах о греко-римской философии имел в виду не всю философию, а только эпикурейскую.

Богословы приложили немало усилий для опозления эпикурейского учения. Вот почему даже у итальянских гуманистов оно предстало в искажённом виде. Так, Лоренцо Валла (1407/1457) в книге «О наслаждении как истинном благе» (1431) изобразил Эпикура в виде вульгарного гедониста. Таким был сам автор этой книги, но не Эпикур. Но возвращение Эпикура в поле сознания мыслителей Возрождения имело огромное значение даже и в искажённом виде. Табу на его учение в эпоху Возрождения было снято. Снято оно было и в отношении Демокрита и Лукреция.

Между античностью и Новым временем в истории универсального эволюционизма распалась связь. Великая заслуга Жюльена де Ламетри (1709–1751) – восстановление этой связи. Вслед за Демокритом, Эпикуром и Лукрецием он распространил идею развития на представление о мире в целом. Но в центре его внимания был переход от животных к человеку.

Задолго до Ж.-Б. Ламарка Ж. де Ламетри стал возводить человека к животным. Он писал: «Переход от животных к человеку не очень резок. Чем, в самом деле, был человек до изобретения слов и знания языков? Животным особого вида... Он отличался от обезьяны и других животных тем, чем обезьяна отличается и в настоящее время, т. е. физиономией» (*Ламетри Ж. О. Сочинения*. 2-е изд. М.: Мысль, 1983. С. 190).

Не следует забывать: автор приведённых слов жил в первой половине XVIII века. Несмотря на присущую ему смелость, с некоторой осторожностью он писал в «Системе Эпикура»: «...когда мы видим, что часто умный человек обязан жизнью прихоти и определённым действиям дурака, то несколько не нелепой и не странной кажется мысль о происхождении человека от животных» (там же. С. 367).

Чем же человек обязан своему возвышению над животным миром? Развитию ума.

Об эволюционном мировоззрении автора «Человека-маши-ны» свидетельствует, в частности, его наблюдения над строением мозга у людей и животных: «В общем и целом форма и строение мозга у четвероногих почти такие же, как и у человека: те же очертания, то же расположение всех частей лишь с той существенной разницей, что у человека мозг в отношении к объёму тела больше, чем у всех животных, и притом обладает большим количеством извилин. За человеком следует обезьяна, бобр, слон, собака, лисица и кошка – животные наиболее похожие на человека, так как у них наблюдается постепенная аналогия в строении мозолистого вещества мозга» (там же. С. 186).

Первостепенное значение в развитии животных Ж. де Ламетри придавал их обучению. В особенности много надежд он возлагал на обучение обезьян. Он верил, в частности, что

их можно научить говорить по-человечески, несмотря на то, что их органы артикуляции не приспособлены для произношения человеческой речи. «Я не решусь утверждать, что органы речи обезьяны, что бы с ними ни делали, не в состоянии произносить членораздельных звуков, – писал Ж. де Ламетри. – Утверждение о такой абсолютной неспособности кажется мне странным ввиду большой аналогии, существующей между обезьяной и человеком, и ввиду того, что до сих пор неизвестно другое животное, которое по внутреннему строению и по внешнему виду столь поразительно походило бы на человека» (там же. С. 191).

Говорить по-человечески обезьяну до сих пор не научили, зато научили её зрительному языку. Вот какую любопытную информацию мы читаем по этому поводу в книге Герхарда Фоллмера «Эволюционная теория познания: врождённые структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки» (М.: Русский двор, 1998. С. 102): «Совершенно удивительных результатов достигла шимпанзе Сара у супружеской пары Примак в 1972 г. Примерно 130 слов символизировались посредством пластиковых кусочков, которые ни в цвете, ни в форме не соответствовали ни представляемым предметам (*Мэри, банан, тарелка*), ни представляемым свойствам (*красный, круглый, различный*). Сара образует и понимает новые предложения, отвечает на вопросы, осуществляя при этом переход от объекта к символу. На вопрос о цвете яблока, она отвечает правильно "*красное*", хотя ни одного яблока нет поблизости и сам пластиковый значок для яблока не является красным».

Если обезьяна поддаётся обучению (дрессировке), почему мы должны отказать в этом человеку? «Слова, языки, законы, науки и искусства появились только постепенно; только с их помощью отшлифовался необделанный алмаз нашего ума, – читаем мы в трактате «Человек-машина». – Человека дрессировали, как дрессируют животных; писателем становятся так же, как носильщиком... подобно тому, как обезьяна научается снимать и надевать шапку или садиться верхом на послушную ей собаку» (указ. соч. Ж. де Ламетри. С. 191).

Чтобы не быть заподозренным в унижении человека анимализацией, в трактате «Человек-растение» Ж. де Ламетри указывал: «Но что бы ни говорили, какие бы чудеса ни рассказывали о животных, всё это не умаляет превосходства нашей души. Конечно, она из того же теста и так же сфабрикована; всё же она далеко не того же качества, что душа животных. Благодаря этому качественному превосходству человеческой души, благодаря избытку познания, вытекающему, очевидно, из строения человека, он и является царём среди животных и один только способен к общественной жизни, для которой его трудолюбие изобрело языки, а его мудрость – законы и нравы» (там же. С. 236).

Из этих оптимистических заявлений вовсе не следует, что процесс очеловечения очень лёгок. Всё дело в том, что «человек вообще представляет собою вероломное, хитрое, опасное и коварное животное» (там же. С. 287). Большинство людей находится лишь в начале своего очеловечения. Потребуется ещё очень большая работа, чтобы он стал цивилизованным. Ведущую роль в этой работе Ж. де Ламетри отводил учёным-просветителям.

Есть в истории науки учёные, научное наследие которых не было оценено по достоинству ни при их жизни, ни после их смерти. К таким учёным принадлежит Жюльен Офре де Ламетри. Главная причина несправедливого отношения к нему со стороны своих собратьев, как мне думается, состоит в том, что они не поняли в нём главного – универсального эволюционизма. Даже такой прекрасный знаток его наследия, как В. М. Богуславский – автор вступительной статьи к одноименному философских произведений Ж. де Ламетри – не сумел вписать его автора в историко-научный контекст. Между тем этот контекст очевиден: Ж. де Ламетри возродил в философии первой половины XVIII в. линию Демокрита – Эпикура – Лукреция – линию универсального эволюционизма.

О вкладе Ж. де Ламетри в развитие универсально-эволюционного мировоззрения я хочу сказать его собственными словами, которыми он, этот гордый человек и великий муче-

ник науки, сам оценивает свою философскую систему: «Какое значение могут иметь против столь прочного и крепкого дуба слабые тростники богословия, метафизики и различных философских школ? Это – детские игрушки, подобные рапирам наших гимнастических залов, с помощью которых можно доставить себе удовольствие потренироваться, но ни в каком случае не одолеть противника. Надо ли прибавлять, что я имею здесь в виду пустые и пошлые идеи, избитые и жалкие доводы... идеи, которые будут существовать, пока на Земле останется хотя бы тень предрассудка или суеверия? Такова моя система или, вернее, если я не заблуждаюсь, истина. Она проста и кратка. Кто хочет, пусть попробует оспаривать её!» (там же. С. 226).

2. 4. Иоганн Гердер

Всё хорошее делалось в истории ради гуманности, а всё нелепое, порочное и омерзительное, что тоже появлялось в истории, было преступлением против духа гуманности.

Иоганн Гердер

Иоганну Готфриду Гердеру (1744–1803) принадлежит особое место среди других универсальных эволюционистов, имеющих отношение к проблеме глоттогенеза. В своём «Трактате о происхождении языка», насыщенном гениальными озарениями, он заложил основы эволюционного подхода к решению этой проблемы. Язык при этом подходе рассматривается как продукт всей предшествующей эволюции – физической, биотической, психической и культурной.

И. Гердер родился, как он сам говорил, «в крайне скромной, но не совершенно бедной среде» (*Гайм Р.* Гердер, его жизнь и сочинения. Т. 1. СПб.: Наука, 2011. С. 68). Его отец был служителем лютеранской церкви в Морунгене. Служителем церкви по окончании богословского факультета Кёнигсбергского университета пришлось быть и его сыну – в Риге (1764–1769), Бюкебурге (1771–1776) и Веймаре (1776–1803).

Наставником И. Гердера в университете стал Иммануил Кант (1724–1804). Ему в первую очередь он был обязан любовью к философии. Лекции И. Канта молодой И. Гердер слушал с поэтическим упоением. Некоторые из них он облекал в стихотворную форму. В книге «Письма для поощрения гуманности» (1793–1797) И. Гердер вспоминал: «История человечества и различных народов, естественная история, изучение природы, математика и собственный опыт – вот те источники, из которых он черпал воодушевление для своих лекций и для своей беседы; он не оставлял равнодушным ни к чему, что было достойно изучения... Этот человек, имя которого я произношу с глубочайшей признательностью и с высоким уважением, был Иммануил Кант» (там же. Т. 1. С. 99–100).

Увы, отношение И. Гердера к И. Канту резко ухудшилось после того, как последний анонимно написал, по выражению первого, «крайне неверную, пошлую и злобную рецензию» на первую часть «Идей к философии истории человечества» (1784/1791) (там же. Т. 2. С. 278). Престарелый рецензент не сумел разглядеть в ней начало великого труда его бывшего ученика. С этого времени между ними устанавливаются враждебные отношения. Рудольф Гайм в подробном освещении этих отношений выступил на стороне И. Канта. Как и его подзащитный, он тоже не сумел увидеть главного отличия между И. Кантом и И. Гердером. Это отличие состоит в разном понимании сущности философии.

Если И. Кант видел в философии науку об «априорном познании» (*Кант И.* Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 95), то И. Гердер ещё до Г. Спенсера увидел назначение философии в обобщении знаний, полученных всеми частными («опытными») науками. Философия должна состоять, по мнению И. Гердера, «из результатов всех опытных наук» (*Гайм Р.* Гердер, его жизнь и сочинения. Т. 1. СПб.: Наука, 2011. С. 102). Г. Спенсер назовет такое назначение философии синтетическим.

Философия И. Канта, вне всякого сомнения, обладает широкой синтетичностью, однако И. Гердера не устраивала её умозрительность. Вот почему в книге «Рассудок и опыт. Метакритика к критике чистого разума» (1799) он называет автора «Критики чистого разума» творцом «царства бесконечных умственных химер, слепого созерцания, фантастических вымыслов, пустых книжных слов, так называемых трансцендентальных идей и спекуляций» (*Гердер И.* Трактат о происхождении языка. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. LIV).

В основе главного труда И. Гердера – «Идеи к философии истории человечества» – лежит подлинно синтетическое понимание сущности философии. Достижения науки XVIII века в ней обобщены в единую – универсально-эволюционную – картину мира. Этот труд – вершина, к которой универсальный эволюционизм пришёл во второй половине XVIII в. Если Ж. де Ламетри в первой половине XVIII в. возродил универсальный эволюционизм, то И. Гердер во второй его половине поднял его на небывалую высоту.

Замысел «Идей...» возник у И. Гердера ещё в молодости. В «Дневнике моего путешествия» (1769) он оформил его в весьма хаотической форме: «Какое это будет великое сочинение, в котором будет идти речь о человеческом роде! О человеческом уме! О возделывании земли! О всех странах! Временах! Народах! Силах! Смешениях! Личностях! Об азиатской религии, хронологии, полиции, философии! Об искусствах, философии и полиции у египтян! Об арифметике, языке и роскоши финикийян! О всём, что касается греков! О всём, что касается римлян! О религии, законах, нравах, войнах, понятиях о чести у северных народов! О временах папского владычества, о монахах, об учёности! О северно-азиатских крестоносцах, пилигримах, рыцарях! О христианском и языческом возрождении учёности! О блестящем веке Франции! Об английских, голландских, немецких выдающихся личностях! О китайской и японской политике! О естествознании нового мира! Об американских нравах и т. д... Какая обширная тема: человеческий род не исчезнет, пока всё это не будет исполнено! Пока гений просвещения не облетит землю! Это будет всеобщая история развития мира!» (*Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения. Т. 1. СПб.: Наука, 2011. С. 443–444*).

Пятнадцать лет понадобилось автору этих слов, чтобы в своей главной книге упорядочить идеи, об освещении которых он мечтал в двадцать пять лет. «Всеобщую историю развития мира» он начал в ней с «естествознания нового мира».

Физиогенез → физиосфера

И. Гердер не затрагивает в своей книге космогонические гипотезы. Он лишь отсылает читателя к авторам таких гипотез – Р. Декарту, Ж. Бюффону и И. Канту. В центре его внимания была Земля – «наш дом» (*Гердер И. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 13*). Об этом свидетельствует оглавление первой части его книги:

- I. Наша Земля – одна из звёзд;
- II. Земля наша – одна из срединных планет;
- III. Наша Земля претерпела множество катастроф, пока не приняла свой теперешний облик;
- IV. Земля – шар, вращающийся вокруг своей оси и вокруг Солнца в наклонном положении;
- VI. Населяемая людьми планета есть горный хребет, выступающий над поверхностью моря;
- VII. Направление гор на обоих полушариях предопределило самые странные различия и перемены.

Геогенез обрисован И. Гердером как серия катастроф: «Вода заливала землю и образовались слои почвы, образовались горы, долины; огонь бушевал, разрушал земную кору, дыбил горы, разливал кругом расплавленные недра Земли; заключённый внутри земли воздух поднял своды пещер и облегчил извержение могучих стихий; ветры бушевали на поверхности Земли, а другая причина, ещё более мощная, переменяла даже все климатические зоны Земли. Многое из сказанного совершалось уже тогда, когда существовали на Земле органические, живые создания» (там же. С. 18–19).

Биогенез → биосфера

Когда заходит речь об эволюции живой природы, так сразу же вспоминают о Чарлзе Дарвине (1809–1882). Между тем у него был предшественник – Жан-Батист Ламарк (1744–1829). См. о нём.: Даниленко В. П., Даниленко Л. В. Эволюция в духовной культуре: свет Прометея. М.: КРАСАНД, 2012. С. 116–120). Но ещё до Ж.-Б. Ламарка, опираясь на исследования Карла Линнея (1707–1778), Жоржа Бюффона (1707–1788), Альбрехта Галлера (1708–1777), Иоганна Реймаруса (1729–1814) и др., эволюционный эскиз живой природы сделал в своём главном труде Иоганн Гердер.

Жизнь, по И. Гердеру, произошла из смеси, которую породила Земля. Первоначально из неё возникли простейшие живые организмы, а затем – в результате их развития – происходило их всё большее и большее усложнение. «От несложных форм, – читаем у И. Гердера, – она (природа. – В. Д.) переходит к составным, искусным, тонким строениям, – и будь мы наделены таким органом чувств, с помощью которого мы могли бы видеть праформы и первоначальные зародыши земных существований, то, должно быть, в самой мельчайшей точке мы восприняли бы прогрессию всего творения» (Гердер И. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 38).

Прогресс в развитии живой природы вкладывается у И. Гердера в три эволюционных ступени: растения – животные – люди. Он писал: «...поразмыслим только об одном: о той покрывающей Землю смеси, благодаря которой наша Земля способна была создавать органические строения – растения, а потом животных и человека» (там же).

Благодаря эволюции, на Земле сформировалось необозримое многообразие флоры и фауны. Последняя, по мнению И. Гердера, прошла через три эволюционные стадии:

«1) животные с одной полостью и одним желудочком сердца, как рыбы и земноводные, имеют более холодную кровь;

2) у животных с одним желудочком без полости вместо крови белый сок; таковы насекомые и черви;

3) животные с четырьмя отделами сердца – теплокровные; таковы птицы и млекопитающие» (там же. С. 55–56).

Движение эволюции от менее совершенных видов к более совершенным объяснялось И. Гердером борьбой за выживание. Для одних видов эта борьба заканчивалась гибелью (как, например, для мамонтов), а для других – их дальнейшим совершенствованием. Оно происходило, с одной стороны, благодаря приспособлению к новой среде обитания, а с другой, благодаря наследованию полезных признаков. И. Гердер писал: «Когда рыба выходит на сушу, у неё – как, например, у манати, – вычленяются передние конечности, а у самок вырастают груди. У морского котика и морского льва можно без труда видеть уже все четыре конечности, хотя задними он и не может пользоваться и пять пальцев их влачит за собой, словно отростки плавников, тем не менее он, как умеет, неспеша выползает на сушу, чтобы погреться на солнце, и он уже поднялся ступенькой выше безобразного, бесформенного тюленя. Так более высокие органические существа выходят из праха червей, из известняковых домиков моллюсков, из паутины насекомых, и членение тел их постепенно усложняется» (там же. С. 51).

Человек – венец эволюции. И. Гердер писал: «Жизнь растений управлялась инстинктом самосохранения и продолжения рода, насекомые стали создавать свои искусные сооружения, птицы и наземные животные – заботиться о своих птенцах, детёнышах, о доме, наконец появились и мысли, напоминающие человеческие, животные стали усваивать разные умения, и вот всё объединилось в человеке с его разумной способностью, свободой и духом гуманности» (там же. С. 116).

Человек – венец не только психической и культурной эволюции, но и биофизической («органической»). И. Гердер писал: «*Форма органического строения восходила от камня к кристаллу, от кристалла к металлам, от металлов к растениям, от растений к животным, от животных к человеку; по мере восхождения разнообразились силы и влечения живого существа, и наконец все эти силы и влечения объединялись в облике человека, насколько он мог вместить их в себя. Ряд дошёл до человека и здесь остановился; нет существа, которое стояло бы выше человека, органическое строение которого было бы многообразнее и искуснее, – человек представляется существом высшим, до какого может развиваться органическое строение на нашей Земле»* (там же. С. 116).

Психогенез → психика

Отправным пунктом психической эволюции И. Гердер считал ощущение. Его зародыш он усматривал уже у предков животных – растений: «И в растении должно быть хотя бы тёмное соответствие ощущению, хотя бы его тёмный аналог» (*Гердер И. Идеи к философии истории человечества*. М.: Наука, 1977. С. 69).

По отношению к растениям, очевидно, можно говорить не о психике как таковой, а о предпсихике. Психическая же эволюция шла по пути освоения животными всё более сложных форм психической деятельности – от ощущений к восприятиям, от восприятий к представлениям, от представлений к понятиям и т. д.

В главе «Поступательное развитие живых существ, приучающихся связывать разные понятия и свободнее пользоваться органами чувств и членами тела» И. Гердер показывает, что прогресс в психогенезе был обусловлен развитием «нервной конституции животных» (там же. С. 76).

Наши животные предки приобрели самую сложную «нервную конституцию», что позволило им вступить на путь очеловечения. Этот путь открылся для них благодаря развитию разума.

В четвёртой книге «Идей...» мы находим главы, в которых И. Гердер объясняет, почему наши предки превзошли всех животных в развитии разума:

I. Органическое строение предрасполагает человека к способности разума

II. Взгляд с высот органического строения человеческой головы на существа низшие, приближающиеся по складу своему к человеку

III. Органическое строение предрасполагает человека к тонким чувствам, искусству и языку

IV. Органическое строение предрасполагает человека к тонким влечениям, а потому и к вольности

V. Органическое строение предрасполагает человека к хрупкому здоровью, но к выносливости и долголетию, а потому и к расселению по всей Земле.

Прародиной человечества учёный считал Азию, поскольку в ней сложились наиболее благоприятные условия для очеловечения наших животных предков (там же. С. 265–270).

Культурогенез → культура

Ещё в 1774 г. (за 10 лет до появления первой части «Идей...») вышла в свет книга И. Гердера «И ещё одна философия истории для воспитания человечества». Уже в этой книге изложено культурологическое кредо её автора. Его суть состоит в следующем: своим очеловечением наши предки обязаны их культуросозидательной способности, возникшей из их смыслённости, в развитии которой они превзошли всех своих животных собратьев.

Если в «И ещё одна философия.» представлен лишь эскиз культурной эволюции, то в своём главном труде И. Гердер изобразил развитие культуры в виде весьма красочной картины. Он был убеждён в том, что «роду человеческому суждено пройти через несколько ступеней культуры и претерпеть различные перемены, но прочное благосостояние людей основано исключительно на разуме и справедливости» (там же. С. 439).

В культуре И. Гердер видел средство, а не цель. В чём же, по его мнению, состоит цель, к которой стремится человечество? В том, чтобы всё дальше и дальше уходить от своих животных предков и всё больше и больше становиться человеческим (гуманным). «Цель нашего земного существования, – писал учёный, – заключается в воспитании гуманности, а все низкие жизненные потребности только служат ей и должны вести к ней. Всё нужно воспитывать: разумная способность должна стать разумом, тонкие чувства – искусством, влечения – благородной свободой и красотой, побудительные силы – человеколюбием» (там же. С. 131).

Гуманность вовсе не сводится у И. Гердера только к человеколюбию. Под гуманностью (человечностью) он понимал весь комплекс особенностей, которые отличают человека от животного. Р. Гайм пишет в связи с этим: «Он (И. Гердер. – В. Д.) выражает словом “гуманность” всё, чего может достигнуть человек. Гуманность есть сущность человеческой природы и конечное назначение человека» (*Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения. Т. 2. СПб.: Наука, 2011. С. 232*).

Человечность – антипод животности. Сравнивая животное и человека, И. Гердер писал: «Животного ведёт его инстинкт, дар матери-природы; животное – слуга в доме всевышнего отца, оно должно слушаться. А человек в этом доме – дитя, и ему нужно *сначала научиться всему*: и самым жизненно необходимым инстинктам, и всему, что относится к разуму и гуманности. А учит он всё, не достигая ни в чём совершенства, потому что вместе с семенами рассудительности и добродетели он наследует и дурные нравы, и так, следуя по пути истины и душевной свободы, он отягчён цепями, протягивающимися ещё к самым началам человеческого рода» (*Гердер И. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 132*).

И. Гердер был апостолом «гуманной философии». Мысль о гуманности красной нитью проходит через всё его творчество. Р. Гайм писал о нём: «Он придерживался утилитарного направления (в реформе школы. – В. Д.) только во имя той “гуманной философии”, которую не терял из виду даже в то время, как был всецело занят литературой и эстетикой. Мысль о гуманности как о конечной цели всякого здравого воспитания служит связующим звеном между первоначальным идеализмом и внезапно вспыхнувшим влечением к реализму» (*Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения. Т. 1. СПб.: Наука, 2011. С. 453*).

И. Гердер учил, с одной стороны, не возводить человека в перл создания, а с другой, не низводить его до животного. Он писал: «Весьма несправедливо хвалили род человеческий, утверждая будто все силы и способности других родов достигают в нём своего наивысшего развития. Это похвала бездоказательная... Другие же, напротив, хотели, не скажу, унижить человека, низведя его до уровня животного, но отрицали за ним собственно человеческий характер и превращали его в какое-то выродившееся животное, которое в погоне за неведомыми высшими совершенствами совсем утратило своеобычность своей породы. Это, очевидно, противоречит и истине, и свидетельствам естественной истории» (*Гердер И. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 77*).

Где же проходит действительная граница между животным и человеком? В чём подлинное отличие человека от животного? «Ни у одного животного, – отвечает И. Гердер, – нет того, чем отличается от него почти всякий человек, – нет культуры» (там же). Следовательно, человек становится человеком всё в большей и большей степени благодаря культуре.

И. Гердер прекрасно сознавал, что на своём пути к очеловечению современные люди находятся лишь в самом начале своего пути. Вот почему он расценивал человечность в качестве «бутона будущего цветка», «скрывающего внутри себя истинный облик человечества» (там же. С. 131; 132).

«Лишь у немногих, – писал И. Гердер, – богоподобный дух гуманности в самом широком и чистом значении слова есть подлинное *стремление всей жизни*, а большинство задумывается поздно, да и у самых лучших низкие инстинкты тянут возвышенного человека к животному. Кто из смертных может сказать: я обрел, я обрету чистый образ человечности, заложенный во мне?» (там же. С. 131).

Но дело тут не только в отдельной личности, но и в условиях, в которых оказался тот или иной народ: «... И между людьми должны были появиться величайшие различия, потому что всё на земле многообразно, а в некоторых странах и в некоторых условиях человеческий род придавлен бременем климата и житейской нужды» (там же). Не следует обольщаться и насчёт так называемых цивилизованных народов. В предисловии к «Идеям.» И. Гердер восклицает: «Как мало культурных людей в культурном народе!» (там же. С. 6).

Продвижение человечества к осуществлению своей миссии – дальнейшему очеловечению – требует от его представителей величайших «духовных сил» (там же. С. 126), направленных на приближение к высшим человеческим целям. «Истина, красота, любовь, – читаем у И. Гердера, – вот цели, к которым всегда стремился человек, что бы он ни делал, нередко сам не сознавая того, нередко идя по совсем ложному пути» (там же. С. 133).

Но истина, красота, любовь и т. п. цели есть не что иное, как высшие духовно-культурные идеалы. Вот почему философия И. Гердера имеет духовно-культурную направленность. В центре этой философии – духовная культура (религия, наука, искусство, нравственность, политика и язык).

Религия

XVIII век нанёс религии незаживающую рану. Первую скрипку в яростной борьбе с религией в этот век играли французские просветители – Жюльен де Ламетри (1709–1751), Дени Дидро (1713–1784), Клод Гельвеций (1715–1771), Поль Гольбах (1723–1789) и др. Выше всех среди них И. Гердер ставил Д. Дидро, который, в частности, заявлял: «Если разум – дар неба и если то же самое можно сказать о вере, значит, небо ниспослало нам два несовместимых и противоречащих друг другу дара... Государь, если вы желаете иметь священников, вы не можете желать философов, а если желаете философов, не можете желать священников. Ведь философы по самой профессии своей – друзья разума и науки, а священники – враги разума и покровители невежества» (Да скроется тьма! Французские материалисты XVIII в. об атеизме, религии, церкви. Сост. В. Н. Кузнецов. М.: Политиздат, 1976. С. 128; 121).

И. Гердер был священником, но после встречи с Д. Дидро он записал в своём дневнике: «Наступит ли время, когда разрушат монастыри и амвоны. О, если б я мог хоть чем-нибудь содействовать этому! По крайней мере я хотел бы поддержать голос Дидро!» (*Гердер И. Идеи к философии истории человечества*. М.: Наука, 1977. С. 614).

Нет никакого сомнения в том, что И. Гердер способствовал разрушению монастырей и амвонов. Чуть ли не каждая страница его главного труда – красноречивое тому подтверждение. Он написан рукой великого учёного, а не богослова. Но почему же нередко в ней упоминается имя творца, хотя божественное творение мира он открыто отрицал? Должность обязывала. Он писал его в должности главы протестантской церкви в Веймаре. Главная трагедия его жизни состояла, как он сам говорил, в «противоречии между самим собой и сво-

ими должностями» (там же. С. 413). Но некоторый богословский налёт, имеющийся в его главной книге, не может скрыть от нас её атеистическую доминанту.

Не следует, вместе с тем, изображать И. Гердера, как это делал И. Фихте, законспирированным атеистом. Крайней точкой его атеизма был пантеизм, который он взял у Бенедикта Спинозы (1632–1677). В пределе пантеизм смыкается с атеизмом, поскольку бог в нём сливается с природой. Но сам факт его присутствия в нём свидетельствует о сохранении в спинозизме богословской стихии. Эта стихия представлена в книге И. Гердера «Бог. Некоторые диалоги» (1787), где он пытается доказать совместимость пантеистического учения Б. Спинозы с христианством. Более того, он отстаивает здесь бессмертие души.

Мотив бессмертия души звучит в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», где Пьер Безухов так излагает учение И. Гердера Андрею Болконскому: «Разве я не чувствую в своей душе, что я составляю часть этого огромного, гармонического целого. Разве я не чувствую, что я в этом огромном бесчисленном количестве существ, в которых проявляется Божество, – высшая сила, как хотите, – что я составляю одно звено, одну ступень от низших существ к высшим. Ежели я вижу, ясно вижу эту лестницу, которая ведёт от растения к человеку, то отчего же я предположу, что эта лестница прерывается со мною, а не ведёт дальше и дальше. Я чувствую, что я не только не могу исчезнуть, как ничто не исчезает в мире, но что я всегда буду и всегда был. Я чувствую, что кроме меня надо мной живут духи и что в этом мире есть правда.

– Да, это учение Гердера, – сказал князь Андрей» (*Толстой Л. Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 4. М.: Правда, 1984. С. 121*).

Эволюционную лестницу, о которой здесь говорит Пьер, И. Гердер собирался завершить «мировой душой» (*Гердер И. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 623*). Его «мировая душа» – предтеча тейяровской точки

Омега. Но как в «Феномене человека» П. Тейяра де Шардена научная картина мира преобладает над религиозной (см. подр.: *Даниленко В. П. Универсальный эволюционизм – путь к человечности. СПб.: Алетейя, 2014. С. 187–201*), так и в «Идеях к философии истории человечества» И. Гердера научная стихия преобладает над богословской.

Вовсе неслучайно Иоганн Фихте обвинил И. Гердера в атеизме. Он даже грозился привлечь к ответственности «веймарского генерал-суперинтенданта (т. е. И. Гердера. – В. Д.), печатно изложившего философскую систему, которая так же похожа на атеизм, как одно яйцо похоже на другое» (*Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения. Т. 2. СПб.: Наука, 2011. С. 765*).

Научная стихия у И. Гердера преобладает над религиозной даже и в его работе «Бог...», которая была задумана её автором как богословский трактат. Филолай в ней, в частности, заявляет: «Ничто в природе не одиноко, ничто не лишено причин и ничто не остаётся без последствий; и поскольку всё, что возможно, существует и связано друг с другом, в природе нет ничего неорганизованного, каждая сила находится в связи с остальным, служащими ей или над ней господствующими» (*Антология мировой философии в четырёх томах. Т. 3. М.: Мысль, 1971. С. 62*). Богословием здесь и не пахнет. Здесь утверждается материальное единство природы как таковой.

Вслед за французскими просветителями И. Гердер видел в религии закономерный этап в становлении человечества. Своим возникновением он обязан страхом перед природой и неспособностью объяснить её стихии, исходя из их материальной сущности. Вот почему первобытные люди одухотворяли и очеловечивали эти стихии, связывая их мифологическими сюжетами.

Особое внимание И. Гердер уделил в своей книге христианству. В его основателе он видел живого человека, который защищал интересы угнетённого большинства. Однако церковь отошла от учения Христа. Пользуясь им, она стала конкурировать со светской властью. В своей борьбе за власть она совершила множество кровавых преступлений, связан-

ных, в частности, с организацией крестовых походов. «*Наукам и искусствам, – читаем у И. Гердера, – крестonosцы в собственном смысле слова никак не способствовали. Распутные армии, отправившиеся в Палестину, не имели о них никакого представления...*» (Гердер И. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 595).

Религия, вместе с тем, несла не только зло, но и в какой-то мере способствовала развитию культуры в целом и науки в частности. «Нельзя отрицать, – писал И. Гердер, – что *только религия принесла народам науку и культуру и что культура и наука в первое время были просто особой религиозной традицией. У всех диких народов незначительные их знания и культура до сих пор связаны с религией*» (там же. С. 253).

Наука

Науку, как и искусство, И. Гердер выводил из языка. Он писал: «Как только появились первые начатки языка разума, так сразу же оказалось, что человек встал на путь наук и искусств. Ибо, создавая науки и искусства, человек и не делает ничего иного, как отмечает и обозначает. Как только дано было человеку самое трудное его искусство – язык, так, можно сказать, ему дан был прообраз всего» (Гердер И. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 241).

Почему же именно благодаря языковой способности люди пришли к науке и искусству? Потому что эта способность стала основой для развития у них их мышления: «Благодаря языку, и только благодаря языку, сделалось возможным последовательное развитие мысли – цепь мыслей, стало возможным осознавать, распознавать что-либо, вспоминать о чем-либо, обладать чем-либо; так со временем родились науки и искусства» (там же. С. 241–242).

Язык – вместилище знаний. При этом в своей содержательной стороне он отражает национальные особенности его творца – того или иного народа. В истолковании этих особенностей И. Гердер превосхитил понятие языковой картины мира. Он писал: «*Философское сравнение языков* было бы самым превосходным опытом истории и многогранной характеристики человеческого рассудка и души, в каждом языке отпечатлелся рассудок и характер народа. Не только инструменты языка видоизменяются вместе со страной, почти у каждого народа есть свои буквы и свои особенные звуки; наименования вещей, даже обозначения издающих звуки предметов, даже непосредственные изъяснения аффекта, междометия – всё отличается повсюду на Земле. Когда речь заходит о предметах созерцания и холодного рассуждения, то различия ещё возрастают, и они становятся неизмеримыми, когда речь доходит до несобственного значения слов, до метафор, когда затрагивается строение языка, соотношение, распорядок, взаимосогласие его членов. Гений народа более всего открывается в физиогномическом образе его речи. Всегда весьма характерно, чего больше в языке – существительных или глаголов, как выражаются лица и времена, как упорядочиваются понятия, всё это важно в самых мелких деталях» (там же. С. 239).

И. Гердер боролся с евроцентризмом, но это не помешало ему увидеть истоки научного прогресса в Древней Греции. Он писал: «Никто не ждёт от меня, что я буду рассматривать по отдельности науки – математику, медицину, естествознание и все изящные искусства, называя длинный ряд имён тех, кто послужил опорой для всех грядущих времён, открывая и умножая знания во всевозможных областях. Общеизвестно, что ни Азия, ни Египет не дали нам подлинной формы знания ни в одной из дисциплин и что такой формой мы всецело обязаны греческому духу, всюду вносящему свой тонкий порядок. А поскольку лишь вполне определённая форма познания позволяет умножать и совершенствовать знания во все грядущие времена, то мы обязаны грекам фундаментом почти всех наших наук» (там же. С. 376).

И. Гердер приложил руку к выдвиганию на первый план в греческой науке не Демокрита и Эпикура, а Платона и Аристотеля (там же. С. 375). Так и повелось с давних пор –

воспевать двух последних и оставлять в тени двух первых. Но это означает не что иное, как оставлять в тени дух универсального эволюционизма. Не сумел И. Гердер обнаружить этот дух и в поэме Лукреция «О природе вещей». Он поёт ей дифирамбы как дидактическому произведению, а не философскому (там же. С. 419). Он не сумел увидеть в ней итог, к которому античная философия пришла в области универсального эволюционизма.

Остался за пределами внимания И. Гердера и его ближайший предшественник в философии универсальной эволюции – Ж. де Ламетри. Его имя ни разу даже не упоминается в главном труде И. Гердера, что лишний раз свидетельствует об отсутствии единства между выдающимися представителями универсального эволюционизма. Оно не состоялось не только между И. Гердером и Ж. де Ламетри, но также между Г. Спенсером и И. Гердером, между П. Тейяром де Шарденом и Г. Спенсером и т. д. Уже давно пора восстановить связь времён в развитии универсального эволюционизма (в какой-то мере я это сделал в книге «Универсальный эволюционизм – путь к человечности»). В противном случае его история выглядит в значительной мере как сообщество, участники которого приближались к истине поодиночке.

Процесс приближения к истине бесконечен. В этом приближении – цель науки. Как оценивал И. Гердер осуществление этой цели наукой его времени? Вот его ответ: «А теперь – как мы далеки от истины!» (там же. С. 237).

Основным инструментом приближения к истине И. Гердер считал язык. Но его роль в познании он расценивал двойственно. С одной стороны, он указывал: «У нас разум – только благодаря языку...» (там же. С. 238–239). А с другой стороны, он критиковал язык за ограниченность его возможностей в познании, поскольку слова схватывают не сущность вещей, а лишь их некоторые признаки.

И. Гердер писал: «Ни один язык не выражает вещи, но выражает только имена вещей; и человеческий разум не познаёт вещи, но только признаки вещей, обозначаемые словами, – замечание охлаждающее, полагающее тесные границы всей истории нашего рассудка и придающее ей полную несущественность. Вся наша метафизика – это метафизика; другими словами, это отвлечённый, упорядоченный перечень наименований, отстающий от опытных наблюдений. Перечисляя и упорядочивая вещи, такая наука приносит свою пользу и может служить введением ко всем искусственным приёмам нашего рассудка; но если рассмотреть её как таковую, по сути дела, то она не содержит ни одного полного и существенного понятия, ни одной существенной истины. Вся наша наука ведёт счёт, пользуясь отдельными внешними, отвлечёнными признаками, не затрагивающими внутреннего существования вещей» (там же. С. 236).

Как видим, к возможностям языка И. Гердер относился чересчур критически. Он воспринимал язык как весьма несовершенное орудие разума: «Но, если взглядеться повнимательнее, мы увидим, что средство нашего воспитания и образования – язык – весьма несовершенен, рассматривать ли его как узы, соединяющие людей, или как орудие разума, так что трудно представить себе более лёгкую, летучую, невесомую паутину, чем ту, которой пожелал связать род человеческий творец наш» (там же. С. 236).

Рассматривать язык «как орудие разума» – значит обращать внимание на его когнитивную функцию. Рассматривать его «как узы, соединяющие людей» – значит обращать внимание на его коммуникативную функцию. Двойственно И. Гердер подходил к оценке не только первой из этих функций, но и второй. С одной стороны, он видел в языке средство, соединяющее людей разных поколений, а с другой, он указывал на его разъединяющую роль в познании.

С одной стороны, И. Гердер писал: «Всё, что думали мудрецы давних времен, что когда-либо измыслил дух человеческий, доносит до меня язык. Благодаря языку мыслящая душа моя связана с душою первого, а может быть, и последнего человека на земле; короче

говоря, язык – это печать нашего разума, благодаря которой разум обретает видимый облик и передаётся из поколения в поколение» (там же).

С другой стороны, мы находим у И. Гердера и такие слова: «Правильно ли понимает меня другой человек? То ли представление связал он со словом, что и я, или он не связал с ним никакого представления?.. А он тем временем пользуется этим словом, считает с помощью его и, пожалуй, передаст другим в виде пустой скорлупки. Так всегда было с философскими школами» (там же. С. 237).

Из гердеровской критики роли языка в познании следует только один вывод: не следует преувеличивать эту роль и идти к истине не только по языковому пути, но и безъязыковому. Последний обходится без языка и опирается на непосредственные данные, полученные органами чувств. Эти данные могут служить пищей не только для их осмысления с помощью языка, но и для чистой мысли.

Приветствуя безъязыковой путь познания, И. Гердер восклицал: «Если бы мы мыслили не отвлечённые признаки и выговаривали бы не произвольные знаки, а самую природу вещей, – прощайте, ошибки, прощайте, ложные мнения, мы – в стране истины!» (там же).

Иоганн Готфрид Гердер был мудрецом. Мудрости присущ здоровый скептицизм. Со здоровым скепсисом он относился к возможностям не только языка, но также науки и искусства. «Не думайте, люди, – читаем мы у него, – что счастье – в преждевременном развитии, в чрезмерной утонченности или что жизненный опыт – в знании неподвижных и мёртвых терминов науки, в умении пользоваться головокружительными приёмами искусства, – всё это не удовлетворит живое существо, ибо рецепт вызубривания названий и заучивания приёмов не годится для обретения счастья. Если голова переполнена знаниями, будь в них само чистое золото, то она давит на тело, сжимает грудь, затуманивает взор, такая голова – тяжкое бремя для жизни. Чем более утончаем мы силы души, тем скорее отмирают праздные силы тела; в стремлении охватить весь каркас искусства члены тела, способности наши увядают, распяты на пышно блестящем кресте» (там же. С. 223).

Уж не эти ли слова вдохновили И. Гёте – ученика И. Гердера – написать строки:

*Суха теория, мой друг,
А древо жизни вечно зеленеет?*

Искусство

Если первым наставником И. Гердера был И. Кант, то вторым – Иоганн Георг Гаман (1730–1788). Этот противоречивый, но очень даровитый философ и филолог, нацепивший на себя маску «христианского Сократа» (*Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения. Т. 1. СПб.: Наука, 2011. С. 133*), стал близким другом И. Гердера. Ещё в Кёнигсберге он обучал молодого И. Гердера английскому и итальянскому языкам. Через первый из них его ученик открыл для себя У. Шекспира в подлиннике.

Подобным образом обстояло дело не только с английской литературой, но также французской, римской, греческой и др.: к литературе И. Гердер шёл через язык. Подобным образом обстояло дело и с его эстетическими убеждениями: искусство он выводил из языка.

И. Гердер был поэтом. Поэзию он считал высшим видом искусства. Она обладает наибольшими возможностями в выражении прекрасного, под которым он понимал совершенство. Высшего совершенства достиг человек. Вот почему человеческая красота – наиболее совершенная красота.

Непревзойдённых успехов в постижении прекрасного достигла древнегреческая поэзия. Этим она обязана родному языку её творцов. «Вначале греческий язык, – читаем у И.

Гердера, – был неразвит, но уже содержал в себе то, чему суждено было развиваться» (*Гердер И. Идеи к философии истории человечества*. М.: Наука, 1977. С. 355).

В восхвалении греческого языка, каким он стал во времена Гомера, И. Гердер иногда заходил чересчур далеко. Он возвышал его, в частности, за счёт унижения китайского: «Язык греков не был жалкой иероглифической поделкой, не был и цепочкой исторгаемых по отдельности слогов, как в языках по ту сторону монгольских гор» (там же).

Какие черты приобрёл греческий язык в результате своего совершенствования? «Мягче связывались между собой слова, звуки упорядочивались в ритмическое движение; речь сливалась в полноводный поток, её образы – в приятную для слуха гармонию, они поднимались до благозвучности танца. И так сложился единственный в своём роде строй греческого языка, не насильственно порождённый немymi законами, а как живая форма природы возникающий из музыки и танца, из пения и истории и, наконец, из вольного общения множества племён и колоний, из разговорного тона речи» (там же).

Греческий язык заблестал своим многоцветьем в гомеровских поэмах. Их автора И. Гердер назвал «отцом всех греческих поэтов и мудрецов» (там же. С. 356). Чтобы подчеркнуть его уникальность, учёный заявил: «У восточных людей нет своего Гомера; не являлся Гомер и европейским народам – вовремя, в пору их весеннего цветения» (там же. С. 357).

Благодаря Гомеру, «вся Греция наполнилась сказаниями, песнями о своих богах и героях, повсюду в Греции были посвященные героическим предкам места. Решительно всё связывалось в Греции с дерзкой идеей: боги – это высшие люди, родственные народу, а герои – это низшие боги» (там же. С. 362).

Поэзией в Греции питались другие искусства – живопись, архитектура, скульптура и проч. «Только от поэта, – читаем у И. Гердера, – мог узнать художник историю богов, а следовательно, и способ их изображения» (там же. С. 360).

Душа И. Гердера болела за судьбу немецкой поэзии. Основную беду современной поэзии в Германии учёный связывал с её неискренностью, надуманностью, искусственностью. Он писал: «Мы стали... сочинять стихи о предметах, по поводу которых ничего нельзя ни подумать, ни почувствовать, ни вообразить; выдумывать страсти, которые нам неведомы, подражать душевным свойствам, которыми мы не обладаем, – и, наконец, всё стало фальшивым, ничтожным, искусственным» (*Гердер И. Трактат о происхождении языка*. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. XXXI).

Выход из сложившейся ситуации автор этих горьких слов видел в обращении к национальным истокам – народной поэзии. Он обращал внимание на гармоническое сочетание в ней глубокого содержания и изящной формы. Иначе в подлинном искусстве и не может быть. Он писал: «Форма без содержания – это пустой горшок, разбитый черепок» (там же. С. LV).

На содержание художественного произведения И. Гердер смотрел с воспитательной точки зрения. Высшая цель искусства – воспитание человечности. Преимущество искусства здесь состоит в соединении прекрасного с пользой. Он писал: «Без потребностей и цели, а следовательно, без пользы, не бывает никакого дела, тем более невысказано никакое истинно прекрасное искусство... Человек никогда не достиг бы прекрасного, если бы оно не было ему полезно, более того – необходимо; вполне бесполезное прекрасное вообще невысказано в кругу природы и человечества» (там же).

Своё эстетическое кредо И. Гердер выразил такими прекрасными словами: «Искусство и музы существуют для того, чтобы воспитывать в человеке человека – иначе они только пустой хлам» (там же. С. LVI).

Нравственность

Человек для И. Гердера – «звено, соединяющее два мира» (*Гердер И. Идеи к философии истории человечества*. М.: Наука, 1977. С. 134). Первый он унаследовал от своего животного предка. Этот мир – источник зла. Второй мир его очеловечивает. Он – источник добра. Жизнь человеческая разрывается между этими двумя мирами. Борьба человека с животным, обитающим в нём, есть нравственная борьба.

И. Гердер писал: «Проясняется странное противоречие в человеке. Как животное, человек служит Земле и привязан к ней, как к своему родному жилищу, но человек заключает в себе семена бессмертия, а потому должен расти в другом саду. Человек может удовлетворить свои животные потребности, и те, кто довольствуется этим, чувствуют себя на Земле очень хорошо. Но как только человек развивает более благородные задатки, он повсюду начинает находить несовершенство и неполноту: ничто самое благородное так и не было осуществлено на Земле, и самое чистое редко укреплялось и утверждалось, и для сил нашего духа и нашего сердца эта арена действия – лишь место для упражнения сил, место, чтобы поверить их делами» (там же. С. 135).

«Итак, – делает вывод И. Гердер, – человек одновременно представляет два мира, и отсюда явная двойственность его существа» (там же. С. 135). В какую же сторону разрешается эта двойственность? «Сразу же ясно, – отвечает И. Гердер, – какая часть должна господствовать у большинства людей на Земле. Большинство людей – животные, они принесли с собой только способность человечности, и её только нужно воспитывать, воспитывать с усердием и трудами. А как мало людей, в ком подобающим образом воспитана человечность! И у самых лучших – как нежен, как хрупок этот взращённый в них божественный цветок! Животное в человеке всю жизнь жаждет управлять человеком, и большинство людей с готовностью уступают ему. Животное не перестает тянуть человека к земле, когда дух возносит его, когда сердце его хочет выйти на вольные просторы, а поскольку для чувственного существа близкое сильнее дальнего и зримое мощнее незримого, то нетрудно заключить, какая чаша весов перевесит. Человек не умеет радоваться чистой радостью и плохо приспособлен к чистому познанию и чистой добродетели!» (там же. С. 135–136).

В такой ситуации впору опустить руки и объявить жизнь бессмысленной. Тем более, что всё кончается смертью: «Жизнь – это борьба, а цветок чистого, бессмертного духа гуманности – венец, который нелегко завоевать. Бегуна ждёт в конце цель, но борца за добродетель – венок в минуту его смерти» (там же. С. 136).

Что же остаётся? Бороться. Не только за торжество грядущей человечности над животностью у будущего человечества, но и за свою собственную человечность. В ней – высшая цель. В одном из писем к Каролине, будущей жене и ангелу-хранителю, он написал: «Прошло время моего тщеславия и моего жалкого существования; теперь я только желаю жить в природе и в правде... Почести и чванная пышность уже давно утратили в моих глазах всякую привлекательность. Бессмертная слава – пустая, покрытая колючками скорлупа, для которой могут служить зерном только добродетель и гуманность. И днём, и ночью я теперь помышляю только о том, как отделаться от всяких пошлостей и не иметь в виду никакой другой цели, кроме той, чтобы быть человеком» (*Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения*. Т. 1. СПб.: Наука, 2011. С. 451).

Политика

Высшим политическим идеалом И. Гердера была справедливость. Её происхождение он истолковывал, исходя из практического разума. «Всё началось, – писал учёный, – с самых

непосредственных жизненных потребностей: человек начал познавать и поверять законы природы. И единственная цель, какую преследовал он при этом, было его благополучие, то есть спокойное и размеренное пользование всеми своими силами. Человек вступил в отношения с другими существами, и мерою этих отношений стало само существование человека. И справедливость человек усвоил, потому что это правило – не что иное, как практический разум, мера действия и противодействия, определяющая совместное существование всех подобных друг другу существ» (*Гердер И. Идеи к философии истории человечества*. М.: Наука, 1977. С. 452).

Без справедливости нет человечности. Даже если перед нами дикарь, но ему доступно чувство справедливости, перед нами уже человек, а не животное. И. Гердер писал: «Даже если человек относится к самому низшему звену в цепочке рода человеческого, а притом следует заложенному в нём закону разума и справедливости, то и его существование – внутренне прочно... А если человек отойдет от законов справедливости, то само заблуждение его будет ему карой, само оно заставит вернуться его к разуму и праву – к законам человеческого существования и человеческого счастья» (там же).

Увы, в реальной истории отступления от законов справедливости встречаются сплошь и рядом. Чаще всего их совершают люди, наделённые властью. Вот одна из зарисовок И. Гердера на этот счёт: «Перечтём, в какие времена народы были счастливы и в какие несчастливы, когда правили у них правители добрые и когда дурные, и даже у лучших времён и у лучших правителей подведём итог глупости и мудрости, итог разума и страстей, – какая получается страшная отрицательная величина! Взгляни на деспотов Азии, Африки, да почти всего земного шара, взгляни, какие чудовища восседают на римском троне, – под их ярмом долгие века стонал мир, – перечти смутные времена, войны, гонения, яростные бунты и посмотри – каков конец. Брут падает, и торжествует Антоний; гибнет Германик; и царят Тиберий, Калигула, Нерон; Аристид отправляется в изгнание, скитается по свету Конфуций, гибнут Сократ, Фокион, Сенека» (там же. С. 427).

Ненависть к несправедливости, творимой властью имущими, была у И. Гердера так велика, что он был готов отменить сам её источник – государство. Он писал: «Если мы люди, давайте возблагодарим Провидение за то, что оно отнюдь не в государстве положило конечную цель человечества! Миллионы людей на Земле не знают никакого государства, и разве каждый из нас, желая найти счастье в самом что ни на есть искусно построенном государстве, не должен начинать с того же, с чего начинает любой дикарь, – со здоровья и благополучия всех душевных и телесных сил, с дома и семьи, одним словом, со всего того, что нужно завоевать и сохранить самому человеку, а не получить в дар от государства?» (там же. С. 226).

Иоганн Гердер, вместе с тем, был сыном своего века – века Просвещения. Он был уверен, что силы эволюции, прогресса, созидания в истории человечества преобладают над силами инволюции, регресса, разрушения. Он подводил под человеческую историю всеобщий закон – закон превращения хаоса в порядок.

И. Гердер писал: «Неужели же в человеческой жизни не царит тот самый сообразный с внутренними силами творения закон, который превращает хаос в порядок и вносит правильность в человеческую путаницу? Несомненно, мы в душе своей носим это начало, и проявит оно себя так, как то отвечает его сущности» [там же. С. 433].

В обществе, как и в природе, созидание в конечном счёте торжествует над разрушением: «На морях дуют одни и те же ветры, а бури случаются реже, так и у людей, благой порядок природы – в том, что *созидателей рождается куда больше, чем разрушителей*. В царстве животных божественный закон – в том, что львов и тигров не может быть столько же, сколько овец и голубей; и в истории столь же благое установление: число Навуходоносоров и Камбизов, Александров и Сулл, Аттил и Чингиз-ханов куда меньше числа более крот-

ких полководцев и монархов мирных и тихих... *Течение истории показывает, что по мере роста подлинной гуманности демонов разрушения на самом деле стало меньше среди людей и что совершилось это по внутренним законам разума и государственного искусства, приобщающихся к просвещению»* (там же. С. 433; 434).

Самым справедливым общественным строем И. Гердер считал такой, в котором созданы условия для осуществления гуманности (человечности). Он был её неутомимым певцом. Вот лишь некоторые его дифирамбы гуманности (там же. С. 131132; 428–429; 134):

1. «Человек – пока только человекоподобный – станет человеком, и расцветёт бутон гуманности, застывающий от холода и засыхающий от зноя, он расцветёт и явит подлинный облик человека, его настоящую, его полную красоту».

2. «Если рассмотреть человечество таким, каким мы знаем его, по заложенным в нём законам, то у человека нет ничего более высокого, чем гуманный дух; ведь даже представляя себе ангелов или богов, мы мыслим их себе идеальными, высшими людьми».

3. «Натура наша получила свой органический строй, чтобы достигать именно этой очевидной цели – гуманности; для этого даны нам и все более тонкие ощущения и влечения, разум и свобода, хрупкость и выносливость тела, язык, искусство и религия».

4. «В каких бы условиях ни существовал человек, в каком бы обществе ни жил, в уме его всегда могла быть, одна только гуманность, и возделывать мог он лишь дух гуманности, как бы ни представлял её себе. Ради этой цели распорядилась природа, создав мужчин и женщин, ради этого установила природа возрасты, так, чтобы детство длилось дольше и чтобы только путём воспитания человек обучался гуманности. Ради этой цели на широких просторах земли учреждены все возможные образы жизни, все виды человеческого общества».

5. «Во всех установлениях народов от Китая до Рима, в многообразных государственных устройствах, во всём созданном людьми для мирной и военной жизни, при всех присутствующих народам отвратительных чертах и недостатках, всегда можно было распознать главный закон природы: “Человек пусть будет человеком!”».

6. «Отбрось всё нечеловеческое, стремись к истине, благу и богоподобной красоте, и ты достигнешь своей цели».

В главном труде И. Гердера множество идей, но над всеми ними возвышается самая великая – идея человечности. Человечность – идеал, к которому стремится эволюция. И. Гердер служил этому идеалу всю жизнь. Дальше его в исследовании этого идеала до сих пор никто не ушёл.

Язык

В 1769 г. прусская Академия наук объявила конкурс на премию за работу о происхождении языка. Конкурсантам было предложено ответить на два вопроса: «Если бы люди были оставлены при их врождённых способностях, то были бы они в состоянии изобрести язык? И какими средствами они могли бы сами собой дойти до такого изобретения?» (*Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения. Т. 2. СПб.: Наука, 2011. С. 536*).

Нетрудно обнаружить атеистическую подоплёку в самих формулировках приведённых вопросов. Двадцатипятилетний И. Гердер с жаром принялся за сочинение конкурсной статьи. В декабре 1769 г. она была готова. В 1770 г. он получил за неё премию, а в 1772 г. она была напечатана под названием «Трактат о происхождении языка».

«Трактат о происхождении языка» сделал его автора знаменитым. Вот каким он предстал перед Терезой Гейне в 1771 г.: «А когда передо мной явился мой Гердер, тогда как будто открылись передо мной небеса и всем моим существом овладел какой-то высший дух, облечённый в изящное гибкое тело. Как моё сердце стремилось навстречу Вашему сердцу! Я нашла в Вас заслуги, добродетели, нежное человеколюбие, изящность понятия о нравствен-

ности, привлекательное, соединявшееся с возвышенными чувствами мужество и наконец нашла человека, достойного любви! Вы понимали мои слёзы, когда Ваш мелодичный голос, такой приятный и такой трогательный голос, вкладывал в мою душу гармонические стихи Клопштока» (там же. С. 637).

Почти два с половиной столетия прошло с тех пор, как появился «Трактат о происхождении языка» Иоганна Гердера. Но только теперь мы начинаем понимать его эволюционную суть. Его автор не использовал термина *предъязык*, но именно у него эволюционная цепочка «*предъязык* → *язык*» лежит в основе его размышлений о происхождении языка. Первый – язык наших животных предков, а второй – язык наших человеческих предков. К первому он применил междометную гипотезу о происхождении языка, а ко второму – звукоподражательную.

Предъязык

В предъязыке И. Гердер видел лишь сырой материал для языка. Имея в виду первый, в начале своего трактата он писал: «Я не могу пока ещё ничего сказать о работе человека над формированием языка и рассматриваю всего лишь сырой материал» (*Гердер И.* Трактат о происхождении языка. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 136).

Что же он собой представлял, этот «сырой материал» для будущего человеческого языка? «Для меня пока ещё существуют (в нём. – В. Д.) не слова, а звуки для выражающих чувства (будущих. – В. Д.) слов» (там же).

Слова – принадлежность языка, который нашему животному предку ещё предстояло создать, а какие же звуки вырывались из его уст, когда он испытывал те или иные чувства? Об этом мы можем лишь догадываться. Во-первых, мы можем о них судить по тем возгласам, которые вырываются из уст животных, а во-вторых, по тем следам, которые были унаследованы языками из их предъязыка. Условно их можно назвать животными междометиями. В большей мере они сохранились в древнейших языках.

«Как много следов этих звуков, – читаем у И. Гердера, – можно увидеть в названных языках, в их междометиях, в корнях их имён и глаголов! Древнейшие восточные языки изобилуют восклицаниями, которые у нас, более поздних народов, либо совсем отсутствуют, либо встречают лишь глухое, бесчувственное непонимание. В их элегиях слышатся звуки, напоминающие надгробные рыдания и вопли диких народов, как бы продолжающие междометия природного языка, а в их хвалебных псалмах – крики радости и повторяющиеся возгласы... Корни их простейших, самых исконных и действующих глаголов уходят в конце концов в те первые, природные возгласы, которые лишь позднее (в языке. – В. Д.) подверглись обработке» (там же. С. 136).

Предъязык не свалился нашим животным предкам с неба. Он – их собственное достоинство. На его основе стал формироваться язык у первых людей. Вот почему «мы приходим не к божественному, а как раз наоборот – к животному происхождению языка» (там же. С. 137).

По поводу божественного происхождения языка священнослужитель Иоганн Гердер выразился вызывающе еретически: «Божественное происхождение языка не объясняет ничего и не оставляет никаких возможностей для объяснения; это, как Бэкон сказал в другом случае, – священная весталка: она посвящена богу, но бесплодна, набожна, но бесполезна!» (там же. С. 146).

И. Гаман, несмотря на дружеские отношения с автором «Тракта о происхождении языка», отозвался на него рецензией, которую И. Гердер назвал «зловонным пасквилом» (*Гайм Р.* Гердер, его жизнь и сочинения. Т. 1. СПб.: Наука, 2011. С. 644). Объяснение простое: И. Гаман был сторонником божественной гипотезы о происхождении языка. Именно против этой гипотезы И. Гердер и выступил в своём трактате.

О естественном происхождении предъязыка у наших животных предков у И. Гердера читаем: «Итак, если мы назовём эти непосредственные звуки чувств языком (в метафорическом смысле. – В. Д.), то я *считаю его происхождение совершенно естественным. Оно носит не только не сверхчеловеческий, но, напротив, явно животный характер*» (Гердер И. Трактат о происхождении языка. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 139).

Предъязык – ещё не язык. Это доязык. Он – предшественник языка. Предъязык можно назвать языком лишь в метафорическом смысле. В подобном, метафорическом, смысле пред-психику у растений можно назвать психикой, предкультуру у животных – культурой. Этот список можно продолжить и новыми метафорами: назвать преднравственность у животных, например, нравственностью, а предъязык наших животных предков – языком.

Термин *предъязык* применим лишь к животным предкам человека. «Языки» же других животных нельзя называть предъ-языками по той простой причине, что они не перешли в языки, подобные человеческому языку. «Язык», появившийся у наших непосредственных животных предков – наш ближайший предъязык.

Язык

Отграничение предъязыка от языка имеет принципиальный характер. Мы только что видели, что междометную гипотезу И. Гердер принимал в отношении к предъязыку, в котором он видел материал для будущего языка. Но он был решительным противником применения этой гипотезы по отношению к языку. Это и понятно: предъязык – зародыш языка, но до языка как такового ему как до солнца. Ему так же далеко до языка, как предкультуре в целом – до культуры. Предкультура (в неё входит и предъязык) – некоторое достояние животных, а культура (в неё входит и язык) – грандиозное творение людей.

Критикуя применение междометной гипотезы по отношению к языку (а не к предъязыку!), И. Гердер даже сгущает краски: «Не скрою, однако, своего удивления по поводу того, что философам, то есть людям, ищущим отчётливых понятий, могла вообще прийти в голову мысль *выводить происхождение языка из этих вызванных ощущениями криков*. Разве не ясно, что язык является чем-то совсем иным? Ведь все животные, за исключением немой рыбы, выражают свои ощущения в звуках, но никакое животное, будь то даже самое совершенное, не имеет ни малейшего (? – В. Д.) начала человеческого языка в собственном смысле» (там же. С. 139).

В чём состоит разница между животными языками и человеческими? В том, что первые держатся на инстинктах, а вторые – на разуме. Первые вырываются из уст животных произвольно, а вторые – произвольно, сознательно, целенаправленно. Эта разница возводит между ними дистанцию огромного размера. И. Гердер указывает: «Можно придавать этим крикам любую форму, организовывать и облагораживать их как угодно, но если к ним не присоединится разум, который пожелает использовать эти звуки в определённых целях, то я не вижу, каким образом на основе описанного выше закона природы может возникнуть наш произвольный, человеческий язык» (там же. С. 139).

Своим происхождением язык обязан человеческому разуму. Сам же этот разум – плод долгой эволюции наших животных предков. Благодаря высокой степени его развития, они становятся на путь очеловечения. С самого начала этот путь стала сопровождать рождающаяся речь. Почему они стали на неё способны? Потому что они стали способны на осознание знаковой природы звуков, которые производят окружающие предметы.

С того самого момента, как первые люди начинают воспринимать звучание окружающих предметов как знаки этих предметов (блеяние овцы – как знак овцы, лай собаки – как знак собаки и т. д.), они начинают воспроизводить эти звучания с помощью своих органов

произношения и тем самым создавать первые слова. Поскольку они копировали с их помощью звучание окружающих предметов, эти первые слова были звукоподражаниями.

И. Гердер писал: «Звук блеяния, воспринятый душой человека как характерный признак овцы, стал благодаря осознанию, именем овцы, даже если язык ещё никогда ранее не пытался пролепетать это имя. Человек узнал овцу по блеянию: оно стало схваченным признаком, заставлявшим душу отчётливо вспоминать об определённом понятии. Так что же это, как не слово?. *Так был изобретён язык! Это произошло столь же естественным и необходимым для человека образом, сколь естественно то, что человек является человеком*» (там же. С. 142–143).

Мы видим, что И. Гердер придал звукоподражательной гипотезе происхождения языка вполне реалистический характер. К сожалению, в развитии этой гипотезы он зашёл чересчур далеко. Он стремился быть в ней чересчур последовательным. О чём идёт речь? О том, что он заставил звучать даже и незвучащие предметы. Последние воспринимаются не органами слуха, а другими органами чувств – органами зрения и осязания. Чтобы не отступить от звукоподражательной гипотезы о происхождении языка, он стал сводить зрительные и осязательные восприятия к слуховым. В этом случае звучать начинают и незвучащие предметы, а следовательно, и их обозначения трактуются как звукоподражания.

И. Гердер полагал, что первые люди были способны превращать зримое и осязаемое в слышимое. Так, он писал: «Большинство зримых предметов движется; многие из них звучат при движении, а если этого не происходит, то они в своём первоначальном состоянии находятся как будто ближе к глазу и, следовательно, будучи расположены в непосредственной близости от него, могут быть осязаемы. Осязание же очень близко к слуху, и его обозначения, например, “твёрдый”, “грубый”, “мягкий”, “пушистый”, “бархатистый”, “волосатый”, “жёсткий”, “гладкий”, “ровный”, “щетиновый” и т. п., которые, как мы видим, не проникают в глубину и относятся лишь к поверхности предметов, *издают как бы осязаемые звуки*» (там же. С. 152).

И. Гердер был умнейшим человеком, но согласиться с «озвучиванием» всего мира, чтобы не изменить звукоподражательной гипотезе о происхождении языка, не представляется возможным. Отсюда не следует, что от преувеличения роли слуховых ощущений его теория глоттогенеза в целом утрачивает свою ценность. Эта теория не утратила своего значения до сих пор. Её главное достоинство – эволюционный подход к решению вопроса о происхождении языка, который стал возможен, с одной стороны, благодаря универсально-эволюционному мировоззрению её автора, а с другой, благодаря эволюционному истолкованию перехода предъязыка в язык.

* * *

Три грандиозных личности выдвинула история универсального эволюционизма в античности – Демокрита, Эпикура и Лукреция и три – в новое время – Иоганна Гердера в XVIII веке, Герберга Спенсера в XIX и Пьера Тейяра де Шардена – в XX (см. подр.: Даниленко В. П. Универсальный эволюционизм – путь к человечности. СПб.: Алетейя, 2014).

2. 5. Вильгельм фон Гумбольдт

Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) писал: «Истинное определение языка может быть только генетическим» (*Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 70*). В этом лозунге А. А. Потебня видел самую суть учения В. Гумбольдта о языке. Но что он означает?

Лозунг о генетическом определении языка для В. Гумбольдта означал, что при рассмотрении языка вообще, языкового типа или отдельного языка в частности он не останавливался лишь на их синхроническом описании, но обращался к вопросу об их генезисе, происхождении. На синхроническое состояние языка в этом случае смотрят с генетической точки зрения. За определённым состоянием языка эта точка зрения ищет его истоки, его первоначальные корни.

Генетическая точка зрения (в гумбольдтовском понимании этого термина) должна рассматриваться как одна из форм эволюционистского мировоззрения. Её особенность состоит в том, что в центр своего внимания в этом случае исследователь ставит не весь эволюционный путь изучаемого объекта, а лишь его происхождение. Подобным образом подходил к изучению языка В. Гумбольдт. Его эволюционизм, таким образом, может быть определён как генетический. Однако данное определение его мировоззрения является недостаточным: его эволюционизм был не только генетическим, но и культурным. Это значит, что с генетической точки зрения он смотрел не только на языковую эволюцию, но и на культуру в целом. Вот почему в конечном счёте мы можем определить мировоззрение В. Гумбольдта как культурно-генетический эволюционизм.

Об эволюции каких бы сфер духовной культуры он ни писал – науки, искусства, нравственности, политики или языка – повсюду его мысль обращалась к их генезису, к «творящей силе, породившей их» (там же. С. 53). В возникновении каждой сферы культуры он стремился видеть созидательный фактор – фактор, благодаря которому и происходило очеловечение (гоминизация) наших предков. Так, по поводу возникновения нравственности и её очеловечивающей роли он писал: «С появлением человека закладываются и ростки нравственности, развивающиеся вместе с развитием его бытия. Это очеловечение, как мы замечаем, происходит с нарастающим успехом» (там же. С. 49).

На протяжении всего XIX века языковеды будут биться над вопросом о месте лингвистики среди других наук. Её будут сближать то с естествознанием (Ф. Бопп, А. Шляйхер), то с психологией (Г. Штайнталь, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ), а то и – по традиции – с логикой (К. Беккер, Ф. И. Буслаев).

А Ф. де Соссюр и Ч. Моррис в первой половине XX века станут рассматривать лингвистику как одну из семиотических дисциплин. Между тем ещё в начале XIX века В. Гумбольдт – благодаря своему эволюционистскому мировоззрению – указал на истинное место языкознания среди других наук – среди наук о культуре, или, как тогда было принято говорить, среди наук о духе. Под духом же В. Гумбольдт понимал тот род деятельности, который является творческим, культуросозидающим, очеловечивающим. Среди культурологических наук языкознание занимает место на полном основании, поскольку язык – важнейший продукт культуры.

Язык для В. Гумбольдта был не просто одним из продуктов духовной культуры. Он выделил его среди других как главный и исторически первичный. Именно с глоттогенеза он начинал генезис духовной культуры. «Язык, – писал он, – тесно переплетается с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры. Но есть такая древность, в которой мы

не видим на месте культуры ничего, кроме языка, и вместо того, чтобы просто сопутствовать духовному развитию, он замещает его» (там же. С. 48–49). Выходит, «в начале было Слово»?

Какой же точки зрения придерживался В. Гумбольдт в вопросе о числе первоначальных языков – полилингвальной, в соответствии с которой признаётся возникновение у человечества сразу нескольких языков, или монолингвальной, предполагающей, что все языки произошли от одного источника? Первоначально В. Гумбольдт допускал обе точки зрения. Он писал: «Едва ли можно оспаривать мысль о возможности независимого друг от друга возникновения нескольких языков. И обратно, нет никакого основания отбросить гипотетическое допущение всеобщей взаимозависимости языков» (там же. С. 309). Эти слова были написаны их автором в 1820 году, а уже в работе 1822 года – «О возникновении грамматических форм и их влиянии на развитие идей» – он решительно примыкает к монолингвальной гипотезе (там же. С. 343).

Во времена В. Гумбольдта было в ходу несколько гипотез о происхождении языка – звукоподражательная (Г. Лейбниц), междометная (Й. Гердер) и др. Но В. Гумбольдт решительно отнёс эти гипотезы. Все они исходили из предположения о том, что язык создавался постепенно – от слова к слову. Эта точка зрения на зарождение языка выглядит вполне естественно. Она согласуется с эволюционистской аксиомой о том, что развитие любого объекта осуществляется в направлении от его более простых форм существования ко всё более сложным. В. Гумбольдт в вопросе о происхождении языка пренебрёг этой аксиомой, хотя идея развития языков от их менее совершенных форм к более совершенным пронизывает всё его лингвистическое наследие.

В. Гумбольдт считал, что язык возник сразу и целиком – как Афина из головы Зевса. Он писал: «Язык не может возникнуть иначе как сразу и вдруг, или, точнее говоря, языку в каждый момент его бытия должно быть свойственно всё, благодаря чему он становится единым целым» (там же. С. 308). В другом месте читаем: «...первое слово уже предполагает существование всего языка» (там же. С. 314). Чудодейственная интерпретация возникновения языка здесь налицо. Её таинственность ещё больше возрастает, когда мы вспомним о таких словах В. Гумбольдта: «Язык не является произвольным творением отдельного человека, а принадлежит всегда целому народу» (там же. С. 318). Выходит, язык возник сразу и целиком в сознании целого народа.

Как ни странно, но подобная интерпретация чудодейственного происхождения языка возродилась в современной эволюционной лингвистике. Под неё подвели теорию мутаций. Но мутационное (генетическое) объяснение глоттогенеза сродни божественному. Бернар Бичакджан писал в связи с этим: «То, что в наш научный век божественное вмешательство заменяется генетическим процессом, разумеется, понятно, но как насчёт природы языка? Откуда в современной лингвистике и в соседних областях науки взялись авторы, исповедующие креационистские взгляды на язык как на нечто неделимое, существующее по принципу “всё или ничего”?» (*Бичакджан Б. Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М. Языки славянских культур, 2008. С. 60*).

Эволюционное мировоззрение во времена В. Гумбольдта лишь пробивало себе дорогу. Универсальный эволюционизм Иоганна Гердера (1744–1803) и биологический эволюционизм Жана-Батиста Ламарка (1744–1829) ещё не стали достоянием научной общественности. Вот почему нет ничего удивительного в том, что в осмыслении универсального эволюционизма и в его приложении к глоттогенезу В. Гумбольдт ещё не был последовательным. В вопросе о происхождении языка мы обнаруживаем у немецкого учёного его явный недостаток, зато в первоначальной интерпретации происхождения языковых типов – его избыток.

В работе 1822 года «О возникновении грамматических форм...» В. Гумбольдт сделал беглый набросок происхождения флективного типа языка в частности и других языковых типов вообще. Он наметил здесь три ступени в развитии первоначального языка – корнеизолирующую, агглютинативную и флективную. При этом каждая из них оценивалась по культурно-эволюционной шкале: первая квалифицировалась как низшая, а стало быть, и менее совершенная, а последняя – как высшая.

Отсюда следует, что и соответственные типы языка – изолирующий, агглютинативный и флективный – получают у раннего В. Гумбольдта неравную культурно-эволюционную оценку. Первый оказывается на более далёком расстоянии от идеального языка по сравнению с последним, поскольку эти типы вышли из соответственных стадий в развитии первоначального языка.

Если у В. Гумбольдта картина происхождения языковых типов в упомянутой статье имеет эскизный характер, то Август Шляйхер (1821–1868), вдохновлённый эволюционным учением Ч. Дарвина, доведёт эту картину до полной отчётливости: он вытянет языковые типы в строгую эволюционную цепочку: *изолирующий* → *агглютинативный* → *флективный*. Лингвистическая типология при таком – сверхэволюционном – подходе превращается в историческую типологию языков. Подобный подход у нас пытались применить в 30–40 гг. в стадиальной типологии языков, вдохновителем которой стал Николай Яковлевич Марр (1864–1934).

Н. Я. Марр – автор «нового учения о языке», где он пытался подвести под языковые типы не только стадиально-эволюционную, но и общественно-экономическую основу. Они стали связываться у него с определёнными общественно-экономическими формациями – рабовладением, феодализмом и т. д. Вульгарный марксизм Н. Я. Марра не был унаследован его самым талантливым учеником – Иваном Ивановичем Мещаниновым (1883–1967), однако свой вклад в стадиальную типологию языков он сделал.

В книге «Новое учение о языке. Стадиальная типология» (1936) И. И. Мещанинов вытянул в эволюционную цепочку четыре типа языка – активно-мифологический, пассивный, эргативный и активный (номинативный). Подобные цепочки выстраивали в то время также А. С. Рифтин и С. Д. Кацнельсон. Однако после антимарристской дискуссии, инициированной в 1950 году И. В. Сталиным, стадиальная типология языков по существу сошла на нет.

Вряд ли стоит сомневаться, что тот или иной язык проходит в своём развитии через определённые стадии. Через подобные стадии могут проходить и другие языки. В такой ситуации возникает реальная основа для исторической типологии языков. Вот почему теоретически историческая (стадиальная) типология языков вполне вероятна. Но практически её построение, очевидно, осуществить невозможно, поскольку в имеющемся языковом материале нет достаточных данных, свидетельствующих о древнейших состояниях языков.

К концу жизни В. Гумбольдт отказался от культурно-эволюционного взгляда на происхождение языковых типов. В своём главном труде, над которым он работал в последние пять лет своей жизни, он писал: «Здесь можно было бы поставить вопрос, не должно ли существовать в процессе формирования языков (не в рамках одной языковой семьи, а вообще) ступенчатого подъёма на всё более совершенные стадии? В ответ на этот вопрос можно было действительно предположить, что в различные эпохи существования человечества бывают представлены лишь последовательные языковые образования, находящиеся на различных ступенях развития, каждая из которых предполагает и обуславливает возникновение последующей. В таком случае китайский (как представитель изолирующих языков. – В. Д.) был бы самым древним, а санскрит (как представитель флективных языков. – В. Д.) – самым юным языком, и время могло донести до нас формы разных эпох...» (Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 244).

Именно так и думал ранний В. Гумбольдт. Но в зрелые годы он отказался от культурно-эволюционного подхода к возникновению и развитию *языковых типов*. Он писал: «Самый совершенный язык не обязательно является самым поздним» (там же. С. 244). Зрелый В. Гумбольдт сохранил, вместе с тем, культурно-эволюционный (оценочный) взгляд на историю *конкретных языков* в рамках отдельных языковых типов.

В работах последних лет немецкий мыслитель шёл к подлинному эволюционизму в своих взглядах на язык, свободному как от его недостатка (как в случае с его теорией глоттогенеза), так и от его избытка (как в случае с его первоначальной сверхэволюционной интерпретацией происхождения языковых типов).

Ф. де Соссюр, как известно, сравнивал деятельность исследователя, вступившего в область синхронической лингвистики, с положением человека, который застал шахматную игру в определённом состоянии. Чтобы овладеть этим состоянием, полагал учёный, такому человеку нет нужды в изучении истории этой игры. Стало быть, и при синхроническом изучении языка, по Ф. де Соссюру, мы можем полностью абстрагироваться от истории этого языка.

Мог ли В. Гумбольдт позволить себе подобное сравнение? Мог ли он допустить самую мысль о том, что при синхроническом изучении языка исследователь вправе полностью абстрагироваться от диахронии?

Ответ очевиден: различие между синхронией и диахронией для В. Гумбольдта было не абсолютным, как для Ф. де Соссюра, а лишь относительным; полностью абстрагироваться от диахронии в своём учении о внутренней форме языка, которое имеет по преимуществу синхроническую направленность, немецкому учёному не позволял его эволюционизм.

Что же В. Гумбольдт понимал под *внутренней формой языка*?

Форма, как известно, выражает содержание. Какое же содержание выражает форма в языке? Под содержанием («материей») в своём учении о характере языка В. Гумбольдт имел в виду язык вообще – в том смысле, что всякий язык содержит звуки и значения, но в конкретных языках первые являются в своих формах, а другие – в своих. Звуковые формы составляют в языке его внешние формы, а смысловые – внутренние. Иначе говоря, под внешней формой того или иного языка В. Гумбольдт имел в виду его звуковое своеобразие, а под его внутренней формой – смысловое (семантическое) своеобразие.

Внешние формы языков лежат на поверхности, поскольку звуковые отличия между языками бросаются в глаза. Сложнее дело обстоит с их внутренними формами, поскольку семантические отличия между языками не лежат на поверхности, но спрятаны в их глубине. Внимание В. Гумбольдта было приковано к выявлению путей к внутренней форме языков. Вот почему учение о внутренней форме языка составляет сердцевину гумбольдтовской концепции языка.

В. Гумбольдт открыл новый – идиоэтнический – взгляд на содержательную сторону языка, который противостоит традиционному взгляду на неё – универалистскому. Последний был господствующим в XVIII веке.

Своё яркое воплощение универализм в языкознании нашёл в так называемых философских (или универсальных) грамматиках XVIII века – Э. Кондильяка, Ц. Дюмарсэ, Н. Бозэ, Д. Хэрриса, И. Майнера, И. Аделунга и др. Главной вдохновительницей их авторов была грамматика Пор-Рояля (1660). Они – универалисты – распространяли категорию формы лишь на звуковую сторону языка, тогда как его содержательную сторону считали универсальной, т. е. одинаковой у всех языков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.